

«...У юго-западного угла Телецкого озера... громоздятся первые террасы Алтын-Таган или Алтын-Туу — Золотой горы. Крутые, почти недоступные, склоны горы местами заросли кустарником и клочками сухих трав, местами падают отвесно голыми скалами, кое-где прилепились наклонившиеся лиственницы... Алтайцам туда ездить незачем, да и между ними распространено поверье, что вершина Алтын-Ту священна, и при всякой попытке взобраться на нее духи скрывают ее от дерзких глаз, укрывая в облака.»

В. В. Сапожников

По русскому и монгольскому Алтаю

М., Государственное издательство географической литературы, 1949
Сокращенное издание под научной редакцией и с комментариями В. В. Обручева
Вступительная статья Н. В. Сапожниковой
[ОСР Бычков М. Н.](#)

В. В. Сапожников

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора

Н. В. Сапожникова -- В. В. Сапожников

Путешествия по Русскому Алтаю

В. В. Сапожников -- Из предисловия к книге "По Алтаю"

I. Путешествие 1895 г.

Глава первая. От Бийска до Телецкого озера с экскурсией на Катунь. По Телецкому озеру. Поездка на Алтын-ту. По долине Чулышмана. От Чулышмана до Чуи, с экскурсией на Кызыл-оёк

Глава вторая. От Чибита долиной Чуи и Катунь до Котанды. От Котанды до вершины Катунь по р. Курагану

Глава третья. В вершине Катунь. Ледники Белухи (южный склон)

В. В. Сапожников -- Из предисловия к книге "Катунь и ее истоки"

В. В. Сапожников

(9/XII-1861--11/VIII-1924)

Русское Географическое общество 11 февраля 1898 г. единогласно избрало своим действительным членом молодого профессора Томского университета, доктора ботаники, В. В. Сапожникова.

Этим актом Василий Васильевич Сапожников, ученик К. А. Тимирязева, специалист по физиологии растений, был принят в ряды исследователей в новой для него области наук -- географии.

Ко времени избрания действительным членом Русского Географического общества В. В. Сапожников опубликовал свой первый географический труд -- "По Алтаю" (по путешествию 1895 г.) и был награжден серебряной медалью Русского Географического общества за сообщение о новых ледниках Алтая, открытых им в 1895 и 1897 гг. Известные путешественники И. В. Мушкетов и Ю. М. Шокальский представили В. В. Сапожникова в члены Русского Географического общества как исследователя ледников Алтая.

Первоначальной целью путешествия 1895 г. было изучение флоры Алтая, но В. В. Сапожников вскоре убедился в почти полной неизученности Алтая в целом, и это, естественно, привело его к решению наряду с ботанико-географическими общегеографическими задач.

РУССКИЙ АЛТАЙ

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА К КНИГЕ "ПО АЛТАЮ"

Настоящее сочинение является результатом моего путешествия по Алтаю, предпринятого летом 1895 года, частью по собственному почину, частью по поручению Томского университета, который значительно содействовал успеху предприятия выдачей денежной субсидии.

Первоначальная цель путешествия была ботаническая, но потом она расширилась до изучения Алтая с общегеографической точки зрения, поскольку, конечно, позволяло время и небольшие средства, которыми я располагал. Это расширение задачи должно было произойти вполне естественно, само собой. Несмотря на крупные имена Палласа, Ледебура¹, Бунге, Геблера², Гельмерсена, Чихачева, Ядринцева и др., связанные с изучением Алтая, знакомство с этой обширной горной группой все еще весьма неполно, и многие важные открытия лишь вопрос времени и небольших усилий.

Глава первая

I. ПУТЕШЕСТВИЕ 1895 г.

От Бийска до Телецкого озера, с экскурсией на Катунь. По Телецкому озеру. Поездка на Алтын-ту. По долине Чулышмана. От Чулышмана до Чуи, с экскурсией на Кызыл-оёк.

17 июня -- 9 июля

От Бийска до Телецкого озера, с экскурсией на Катунь (17--24 июня). Ближайшей целью моего путешествия было Телецкое озеро, куда обычный путь из Бийска идет на село Улалу [Горно-Алтайск] восточнее Катунь и оттуда северными предгорьями Алтая, так называемой Чернью³. Но я имел дня три в запасе, пока в Улале делались последние приготовления, и потому избрал из Бийска другой путь, более длинный, но более интересный, а именно: я решил проехать на юг до д. Черги и оттуда вернуться в Улалу, захватив на некотором пространстве долину Катунь.

Из Бийска мы выехали 17 июня утром, направляясь к горам, которые можно видеть на горизонте еще с высокой террасы, примыкающей к городу с севера. После переправы через р. Бию в самом городе дорога идет некоторое время по берегу реки редким сосновым лесом, но скоро отклоняется почти на юг и пересекает низменные открытые луга, раскинувшиеся в промежутке между Бией и Катунью.

* * *

От Улалы до Телецкого озера нужно считать около 150 верст. Вьючная тропа идет в общем с запада на восток и пересекает так называемую чернь. Этот термин совершенно не соответствует русскому понятию чернолесья. Чернью в Северном Алтае называют густые леса из кедров, пихт и ели, к которым присоединяется осина, а в более светлых местах и береза. О таких дремучих черневых лесах на этом переезде упоминает Ядринцев⁶ в своем путешествии еще в 1880 г. {Записки Зап.-СПб. отд. Русск. Геогр. общ., кн. IV.}, но, как увидим ниже, от этих лесов сохранились только жалкие остатки, и настоящую чернь мне удалось видеть только ближе к Телецкому озеру.

От Улалы тропа идет вверх по долине р. Маймы довольно светлыми лугами, и за женским монастырем поворачивает на восток в долину р. Сайдысь, где между лугами попадаются группы сосен, и дальше -- в долину небольшой речки Карасу, на которой расположилось небольшое селение Карасук. Высота 515 м. Долина Карасу, там где кончаются обширные владения монастыря, делается каменистой, луга -- гораздо хуже. От Улалы до Карасука около 20 верст. Эта бедная деревенька заселена крещеными калмыками, которые обыкновенно, принимая крещение, строят себе деревянную избу русского образца, но не оставляют привычки к свежему воздуху и рядом с избой ставят коническую юрту, крытую берестой, где и проводят лето.

До Карасука еще можно [было] кое-как добраться в легкой тележке, но здесь уже необходимо вьючить лошадей, кладя на каждую не более пяти пудов; потом в более трудных переходах мы уменьшали груз до трех пудов. Пара кожаных сум перекидывается на деревянное седло и туго

притягивается к корпусу лошади волосяным арканом. В общем наш караван разросся до 14 лошадей, считая в том числе [лошадей] толмача и проводников; а иногда присоединялись любопытные провожатые, увеличивая караван до 20--25 лошадей.

Из Карасука тропа идет вверх по течению Карасу, долина которой также покрыта лугами с группами сосен; а ближе к реке засели осина, тальник, черемуха и другие лиственные породы. Верстах в семи начинается подъем на невысокий хребет, служащий водоразделом между бассейном Маймы и р. Иша, которым мы перевалили в верховье р. Паспаула, левого притока р. Иша. Весь хребет, не выходящий из предела лесной растительности (730 м), покрыт щетиной сухостойного леса. Когда-то густой кедровник сначала был попорчен червем, а потом пожары довершили опустошение. Между голыми, уныло торчащими стволами засели высокие жесткие травы, прикрывая уже повалившиеся обгорелые стволы. Вообще кедровников в этой местности сохранилось очень мало, и потому жители селений уходят "шишковать" и "на белковье" дальше на юг и на юго-восток, к Телецкому озеру, куда еще не проникли поселки и где леса сохранились лучше. С перевала видна на юго-востоке в верховьях р. Иша гора Чептаган.

Пройдя болотистый и местами топкий перевал, мы спустились в верховье р. Паспаула; здесь смешанный лес несколько лучше, но настоящей черни нет. К вечеру мы пришли в д. Паспаул, лежащую при впадении реки того же имени в р. Иша, в 20 верстах от Карасука. По пути ближе к Паспаулу попались две заимки⁷, при них пасеки.

Деревня Паспаул (424 м) несколько больше Карасука и выглядит приветливее.

Переночевав в довольно чистой избе крещеного калмыка, мы на рассвете двинулись дальше. Нужно перейти вброд неглубокую Ишу, и совсем маленький Ючек и направиться на юго-восток по долине последнего. Характер местности тот же самый, те же луга по долине с травой в рост человека, те же невысокие горы с группами сосен внизу и сухими стволами кедровников наверху. Течение Ючека густо поросло осиной, тальником, березой; к ним примешиваются калина, черемуха, бузина, смородина и другие кустарники. Тропа часто идет этими зарослями по довольно топким местам; изредка попадаются русские заимки да берестяные юрты некрещеных калмыков, которые в отличие от крещеных носят довольно длинную косу. Сделав два небольших перевала в верховьях Ючека, мы спустились в долину р. Сара-кокши и после полудня подошли к небольшому поселку Никольское, пройдя от Паспаула более 35 верст, на что потребовалось около восьми часов.

Никольское -- небольшой и, вероятно, недавно возникший поселок, лежит на левом берегу р. Сара-кокши (622 м). За рекой с юга поднимаются горы повыше и там, по рассказам поселян, недалеко имеются хорошие кедровники. Сара-кокша имеет 6--7 сажен ширины и здесь довольно глубока (t в 3 ч. дня 19°Ц).

Из Никольского тропа скоро оставляет течение Сара-кокши и уходит опять на северо-восток к среднему течению р. Инерги, а потом невысоким перевалом в долину речки Сё (приток Инерги). С этого перевала мы увидели более высокие горы: на юго-востоке -- Сёрён и Кызыл-таш с пятнами снега, на юге -- Юрбутту и Элизе. Перейдя ручеек Сё, мы сделали еще небольшой перевал, с которого идет продолжительный открытый спуск в долину. Отсюда открывается широкий вид на долину Кокши, заставленную с юга целой группой синих гор с пятнами снега. Ближе, в углу между Кокшей и Инергой раскинулось довольно большое с. Инерга. Это самое значительное село между Улалой и Телецким озером; она находится в 20 верстах от Никольского. Несколько рядов хороших изб и небольшая церковь делают его похожим на русские села (513 м). Население смешанное -- калмыки⁸ и русские.

На другой день мы перешли вброд Сара-кокшу и пошли широкими лугами по довольно ровной местности, -- горы отошли на юг. Луга местами прерывались группами сосен и перелесками осины с березой. Вскоре пришлось перейти опять на левый берег Кокши и потом опять на правый; этим обходом минуются большие болотистые топи правого берега. За плоским лугом около версты шириной следует брод через быстрый Уймень, очень красивый своим зеленовато-голубым цветом воды, столь характерным для альпийских рек. Дальше небольшие заросли лиственного леса и опять луга; наконец, еще два брода через Кокшу и небольшой перевал через песчаную гриву, поросшую сосновым лесом, за которой мы подъехали прямо на берег р. Бии, сделав от Инерги около 30 верст.

Бия замечательно красива массой синей воды, шумливо катящейся по каменистому руслу; глубокая синева воды оттеняется еще сильнее серебристыми беляками около подводных камней. Ширина ее здесь около 80--100 сажен, и в общем она весьма напоминает синюю Рону в том месте, где та вытекает из Женевского озера; здесь вдоль правого высокого берега вытянулось небольшое с. Кебезень, домики которого рисуются на зеленом фоне лесистой горы.

Переправа в лодках через быструю реку производится очень скоро, причем лодки сильно сносит течением. Переправа возможна только у верхнего конца села, потому что ниже из-под воды торчат значительные камни.

Кебезень -- небольшое село с церковью, населенное частью русскими, частью крещеными калмыками⁹. Отсюда оставалось около 20 верст до Телецкого озера, и ввиду неподходящего времени мы решили сегодня же добраться до него. Когда жар спал, были навьючены свежие лошади, и мы в сопровождении калмыка демичи {Помощник старосты и сборщик податей.}, почти не говорящего по-русски, оставили последнее селение, надолго распросившись с таким незамысловатым приобретением культуры, как изба.

Отсюда к Телецкому озеру ведут две тропы -- одна по берегу Бии, другая в стороне от реки лесистыми горами. Первая в настоящее время

почти непроходима, потому что завалена камнями и деревьями, и мы отправились по второй.

От южного конца селения сейчас же начинается подъем на невысокую террасу, обставленную редкими соснами, которая дальше переходит в возвышенное плато. Здесь раскинулись широкие светлые поляны с группами сосен и берез; но это не надолго; за небольшим ручьем лес становится гуще и постепенно переходит в настоящую темную чернь, а вместе с тем и тропа все круче взбирается на гору...

Больше часу поднимаемся узкой тропой в мрачном "черневом" лесу. Темные кедры и до черноты густые заросли пихт и елей сжимают тропу с обеих сторон, оставляя над головой узкую светлую полоску. Несмотря на высоко стоящее солнце, здесь -- сумерки, которые лишь местами пронизываются непривычно-яркой полосой света из немногих лесных прогалин. Узкая тропа местами преграждается громадными завалившимися стволами; одни из них, которые постарше и подгнили, просто растоптаны лошадьми, в других -- вырублен небольшой кусок, чтобы могла пройти лошадь, а те, которые повалились недавно, лежат нетронутые, и лошади приходится перескакивать через них, переставляя обе ноги враз. Иногда твердый песчаный грунт, на котором нередко свежие отпечатки медвежьих лап, сменяется топким болотом, где лошадь тонет по колено, с трудом вытаскивая уставшие ноги из вязкой грязи. Подъем делается все круче. Привычные выючные лошади с мокрой от пота мордой и посоловевшими глазами то и дело останавливаются, и слышно их отрывистое учащенное дыхание; а впереди все еще тянется круто поднимающаяся тропа, теряясь в зеленоватом полумраке узкого лесного коридора...

Но вот лес начинает редеть, прогалины попадаются чаще, и скоро наш караван в 14 лошадей вышел на открытый хребет перевала Кодю-баш (871 м). Отступивший в стороны лес открывает чудную панораму на юг, где нас ждет Телецкое озеро с его дикими красотами. За небольшой поляной, с брошенными там и сям кучами кустарников, вновь тянется лес, который густой щетиной спускается в глубокую долину; за ней отлогими контурами вновь возвышается лесистая, взьерошенная гора, за ней еще такая же гора, а дальше -- несколько синих хребтов, из которых самый дальний укутан в туманную дымку, и его неясные очертания сливаются с грядой облаков, неподвижно растянувшейся над горизонтом. Солнце заметно спустилось и уже ослабевшими, мягкими лучами обливает всю эту картину, еще ярко играя на немногих отдельных снежных пятнах и полосках, которые сохранились по северным склонам далеких гор. Но здесь еще нет грозных красот глубокого Алтая: все заключено в округленные очертания и мягкие тона.

Однако пора в путь, -- недалеко до озера! Вынутые приборы уложены в переметные сумы, мы вновь садимся в седла, проводники-калмыки отрывистыми окриками подбадривают уставших лошадей, и караван начинает спускаться. Здесь лес уже не так густ, чаще попадаются светлые поляны, обставленные группами сосен и берез; весь ландшафт

приветливее и дорога удобнее. Какой-нибудь час неторопливой езды, и мы подъехали к Телецкому озеру, которое под последними лучами заходящего солнца заиграло перед нами темносиними тонами из-за ветвей последних деревьев. Еще небольшой спуск вдоль горного ручья, и караван столпился на небольшой прибрежной полянке вблизи двух остроконечных калмыцких юрт и почерневшей рыбацкой избенки. Развьюченные лошади весело отфыркивались и встряхивались всем корпусом, расправляя намятые выюками бока, а через десять минут уже белелись две палатки под самым откосом горы.

По Телецкому озеру (25--28 июня). Мы были на северном берегу Телецкого озера, верстах в четырех от истока р. Бии, в местечке Артыбаш. После мрачной черни вид этого альпийского озера, находящегося на высоте 473 м, особенно поражает дикой красотой своих берегов. Синяя полоса воды, вправленная в узорчатую темнозеленую раму гористых берегов, постепенно расширяясь, уходит на восток и скрывается за крутым мысом горы Четту {"Четту" значит сорная, густо заросшая и заваленная лесом гора.}, на запад -- понемногу суживается и в четырех верстах от нашего стана переходит в наклонное каменистое русло р. Бии, усеянное беляками пены. Противоположный южный берег озера, до которого здесь версты полторы, также быстро возвышается и переходит в горы; доверху покрытые черневым лесом, оставляя небольшую болотистую и тоже заросшую лесом прибрежную низину.

Скоро вокруг нашего костра собрались калмыки или, вернее, теленгиты¹⁰ из соседних аулов и, держа во рту неизменные трубки, поглядывали на нас с каким-то вялым любопытством. Один из них принес налима и двух харюзов¹¹, другой горсть земляники в собственной засаленной войлочной шапке. Понемногу завязалась беседа, конечно через толмача, и тут я, между прочим, услышал миф, с которым связано имя оз. Алтын-коль или Золотого озера. Был голодный год, и люди умирали от недостатка пищи. У одного калмыка был кусок золота с конскую голову, но не было хлеба и скота; пошел он по своим соседям, предлагая золото и прося за него немного пищи, но всюду получал отказ. Наконец, приведенный в отчаяние, обладатель условного богатства взошел на вершину Алтын-ту и оттуда бросил свое сокровище в глубокое озеро... Отсюда и пошло название горы и озера. Как бы отголоском этого сказания является наивно-равнодушное отношение калмыков к деньгам, которыми я расплачивался за рыбу, лошадей и т. п. {Калмыки, особенно в более глухих местах по Чулышману и Улагану, предпочитают расплату табаком и особенно чаем, что вполне объясняется тем обстоятельством, что при покупке этих продуктов у редко заезжающих сюда купцов им приходится сильно переплачивать.}.

На другой день, после экскурсии по берегам озера, мы начали грузить багаж в приготовленную для нас дощатую лодку, в которой нужно было проплыть до южного конца озера, т. е. не менее 75 верст, а может быть, и выдержать волнения, которые не редки на озере и, говорят, довольно опасны при господствующей здесь ужасной путанице ветров. Лишь

только багаж был уложен, лодка потекла по всем швам, и нам пришлось заняться ее ремонтом, или, попросту заткнуть дыры тряпками и паклей. Это, однако, помогло немного, и вода продолжала накапливаться на дне лодки. Чтобы не терять времени я решил отправляться, превратив одного из гребцов-калмыков в постоянно действующую помпу с ковшом в руке, а сам встав на руль. Всего нас в лодке было девять человек, считая толмача и пять калмыков, да около 25 пудов багажа.

Мы направились на восток, придерживаясь середины озера, чтобы не попасть на прибрежные подводные камни. Прозрачная зеленовато-голубая вода, напоминающая швейцарские озера, покрылась быстро бегущей рябью, которая под свежим западным ветром перешла в волны с красивыми барашками на гребнях. С этим попутным ветром мы подвигались довольно быстро и через 2 1/2 часа уже огибали крутой мыс горы Четту, за которым озеро расширяется до трех и четырех верст. Против Четту на южном берегу выделяются среди соседних гор остроконечный Пёктым и несколько дальше на восток -- Туосадак. Отсюда открывается новая перспектива озера, и особенно красивы дикие неприступные скалы горы Ажу на северном берегу; к ним-то мы и направились, чтобы лучше рассмотреть их вблизи. В это время потянул свежий встречный ветер, производя рябь на волнах, катившихся нам по пути; скоро волны так перепутались, что невозможно было определить их направление. Облака быстро окутали вершины гор и едва мы успели укрыть кожами багаж и натянуть на себя кожаны, -- хлынул дождь, который совершенно закрыл от нас вид озера впереди. Пристать было негде и оставалось подвигаться вперед под дождем. Еще час работы веслами -- и мы, обогнув мыс, далеко врезавшийся в озеро, пристали у южного берега на низкой наносной площадке недалеко от устья р. Колдора, проплыв около 25 верст.

Дождь прекратился; над успокоившейся поверхностью озера протянулись белыми клубами остатки облаков, а редкие порывы ветра сбрасывали с ветвей густого кедра крупные капли, которые звонко шлепались в натянутый холст палатки. Тишина нарушалась только шумом близкого Колдора, к которому, однако, не удалось пробраться, потому что дельта [его] часто прерывается протоками и топкими болотами. Вода озера поражает своей безжизненностью: всплесков рыбы почти не слышно, птиц -- никаких, и только в прозрачной воде около песчаного берега вьются какие-то мелкие водяные жучки; водорослей тоже очень мало. Такая бедность фауны и водной флоры вполне объясняется низкой температурой воды; несмотря на 25 июня, в воде было всего 4°Ц. Рыбак на Артыбаше рассказывал мне, что вода делается несколько теплее в середине июля, и только тогда начинает ловиться известная в Сибири телецкая сельдь. Низкая температура воды влияет на температуру воздуха: в 10 часов вечера было всего 8,5°Ц, а это в свою очередь оказывает влияние на время распускания цветов. Так, недалеко от берега я нашел огоньки (яркооранжевая купальница, *Trollius asiaticus*) с едва распускавшимися цветами, а несколько южнее -- красные и пестрые

сапожки (*Cypripedium Macranton* и *G. guttatum*), саранку (*Lilium Martagon*), касатик (*Iris ruthenica*), Марьин корень (*Paeonia anomala*), майник (*Majanthemum bifolium*) и другие весенние цветы, которые в окрестностях Томска к этому времени отцветают. Суровость климата вместе с недоступностью берегов делают озеро почти необитаемым, если не считать нескольких отдельно разбросанных юрт у северного и юго-восточного конца. Несмотря на низкую температуру воды, озеро замерзает, благодаря громадной глубине, очень поздно, а именно -- к началу декабря или даже к концу его, а в южном широком конце часто остаются обширные полыньи, которые делают озеро непроездным. Вскрывается озеро в апреле, а иногда и раньше.

На другой день утром, желая лучше ознакомиться с растительностью леса, мы отправились на гору Яныс-коч. Продравшись сквозь прибрежные заросли талов, мы вышли на узкий невысокий прилавок, заросший настолько высокой травой, что человек в ней исчезает с головой; за прилавком внезапно поднимаются крутые лесистые уступы горы, по которым приходится карабкаться, цепляясь за ветви кустарников и случайные выступы скал. Неширокие площадки густо заросли кедром, пихтой, местами березой. Громадные камни, скатившиеся с верхних уступов, и гигантские гниющие стволы деревьев перепутываются с продирающимися между ними живыми великанами и густой зарослью жимолости, караганы, рябины, спиреи, черемухи, смородины, бузины и других кустарников. Между последними особенно интересны маральник (*Rhododendron davuricum*), родной брат альпийской розы, и жимолость с продолговатыми синими ягодами (*Lonicera coerulea*), которую калмыки называют "тая". Трудно пробираться через эту девственную заросль, где нога то проваливается в щель между камнями, то глубоко утопает в рыхлом, перегнившем стволе, но еще труднее взбираться на почти отвесные скалы, одетые густым покровом влажного мха и лишайников, сквозь который пробиваются мелкие папоротники, кустики черники и ярко-зеленые розетки кожистых листьев бадана (*Saxifraga crassifolia*) с стрелками нежно-розовых цветов. Мох ползет под ногами, иногда обрывается, и тогда приходится скатываться на несколько аршин вниз, чтобы вновь искать сколько-нибудь удобного места для подъема.

Прокарабкавшись часа два, мы уперлись в совершенно непроходимые уступы; оставалось полюбоваться с высоты на озеро, которое на северо-востоке образует довольно глубокую бухту с р. Кынгмы, и затем спуститься к стану. И вот в такой-то трущобе промысловые охотники-калмыки по неделям гоняются за белками, сободем, медведем и другими зверями.

После полудня мы сложили багаж и отплыли дальше. За устьем Колдора озеро почти под прямым углом поворачивает на юг. Миновав небольшую дельту, мы обогнули крутой мыс Кулган и направились на юго-восток, перерезывая широкую бухту, обставленную высокими отвесными скалами. Жутко чувствуется на этой мертвенно-застывшей поверхности воды, сжатой мрачными стенами. Только удары весел нарушают

томительное безмолвие; человеческий голос звучит как-то странно, и все невольно умолкают... За бухтой обогнули два скалистых мыса, Кок-таш и Умак-таш, и направились на юг вдоль западного берега, который вообще называется "Чаёк". За поворотом озеро имеет до четырех верст ширины и уходит на юг, постепенно расширяясь до шести верст. Отсюда мы увидели озеро во всю длину до южного конца, на протяжении около 50 верст. Синяя полоса воды, обставленная с обеих сторон высокими горами с снежными пятнами и полосками, уходит на юг и упирается в массив горы Туолок, по которой протянулась вертикальная белая полоска. Сначала мы ее принимали за гигантский водопад, но потом она оказалась полосой снега. Прибрежные горы, достигающие до 2 и даже 2 1/2 тыс. м отсылают в озеро крутые скалистые мысы, которые придают ему некоторое сходство с оз. Четырех Кантонов (рис. у стр. 41)¹².

Берег Чаёк принимает все более дикий характер. Узкая береговая полоса часто прерывается отвесными или круто-покатыми скалами сланца. В трещинах скал прилепились кусты спиреи и жимолости, желтые очитки и лиловая альпийская астра. Над этими скалами громоздятся, как на Яныс-коче, крутые уступы, покрытые густой, перепутавшейся зарослью хвойных деревьев и кустарников. С крутых карнизов висят громадные стволы, еще живые, но готовые каждую минуту оборваться и упасть в озеро; а на берегу -- там, где он есть, -- скопились целые груды свалившегося леса. Лишь изредка за узкой береговой полоской идут довольно широкие покатые террасы, богато заросшие лугом и далее переходящие все-таки в отвесные уступы, но эти удобные для остановки места все наперечет и далее на юг они почти не попадаются. Водопадов в этой части озера не видно -- в середине лета горные речки сильно усыхают.

Заночевали верст на пять южнее устья р. Чоодора, проплыв от Колнора около 20 верст. Против этого места на восточном берегу среди других гор красиво возвышается Кольджанат с снежными пятнами; с юга между этой горой и другой, которая называется Тестенгей, образуется узкая горная долина; по ней вливается в озеро самая крупная река восточного берега -- Кокши. Под горой Тестенгей и далее на юг от р. Кокши на восточном берегу чаще образуются немного отступившими горами небольшие покатоности, удобные для поселения; и здесь можно было рассмотреть, яркозеленые четырехугольники досево, а между ними отдельно разбросанные юрты. Не то западный берег, вдоль которого мы плыли; южнее места нашей второй остановки береговые скалы делаются все круче и неприступнее; между ними в виде исключения попадают небольшие площадки, усыпанные камнем и галькой и настолько запертые скалами, что остается единственный выход -- в озеро. Здесь уже попадают изредка небольшие водопады, которые тонкими серебристыми нитками бесшумно протянулись среди темных скал и зелени верхних карнизов. Весной и в начале лета эти водопады, по рассказам калмыков, очень обильны водой и являют собой шумное величественное зрелище.

Вдоль такого берега мы проплыли на третий день еще около 20 верст, огибая основание высокой горы Каракорум, на которой местами видны следы лесных пожаров, и пристали близ самого устья довольно значительной горной речки Ян-чили, ниже ее впадения. Здесь образуется невысокая уединенная площадка, состоящая из нагромождения крупных гранитных валунов и гальки и поросшая отдельно стоящими лиственницами и березой. С двух сторон она ограничена озером, с третьей -- лесистым берегом Ян-чили и с четвертой -- крутой скалой, переходящей выше в очень наклонную террасу. В ту и другую сторону от этой площадки на несколько верст тянется неприступный скалистый берег.

После холодной лунной ночи ранним светлым утром мы сделали попытку проникнуть вверх по течению Ян-чили. Около устья этой реки столпился с обеих сторон хвойный лес из лиственниц и сосен, заваленный старыми стволами и укатанный большими гранитными валунами. Камни и стволы затянуты густым покровом мхов и лишайников; между ними кое-где пробираются мелкие камнеломки и грушанки. Неширокое русло потока все завалено громадными камнями, которые образуют сплошной ряд порогов, где прозрачная голубая вода разбивается в серебристую пену. Сначала пробирались по самому берегу, перескакивая с камня на камень, но потом пришлось карабкаться по крутому откосу над потоком, по густым зарослям травы и кустарников, и только иногда спускаться к воде, где из нее выступали гранитные глыбы. Левый берег казался более удобным для ходьбы, но перебрести [поток] не было никакой возможности: дерево, брошенное в поток, быстро подхватывается водой, раза два мелькает на порогах и исчезает в клубящейся пене. Чем дальше, тем более дикий вид принимало ущелье, тем труднее было подвигаться вперед. Пройдя с версту по ущелью, мы той же дорогой вернулись назад. Вода Ян-чили значительно теплее, чем в озере; вечером термометр показывал 9°C, а в одном ручье, который впадал в поток с правой стороны, было всего 4,5°C.

красив отсюда вид на озеро. Сквозь узкую щель выхода, как в темной рамке, видна синяя полоска озера и высокие горы восточного берега.

До Чулышманской дельты на южном конце озера оставалось около 5 верст. Вода озера еще от Ян-чили делается постепенно теплее. Против Аю-кечпес термометр показывал 10°Ц, а в мелкой юго-западной бухте, где мы закончили наш переход по озеру, уже 18°Ц. Это объясняется, во-первых, тем, что сюда приносится масса теплой воды Чулышманом, и, во-вторых, тем, что южный конец озера гораздо мельче и солнечные лучи скорее прогревают воду, тогда как в средней части озера глубина должна быть страшная; по крайней мере отдельные попытки измерить его глубину не привели ни к чему [см. схему Телецкого озера]¹³.

Мы разбили стан в дельте Чулышмана на левом песчаном берегу под нижними уступами высокой Алтын-таган, вершины которой отсюда не видать. Перед устьем Чулышмана образуется несколько песчаных отмелей, которые уже начинают зарастать мелким тальником; одна из них в виде узкого барьера вытянулась полукругом поперек озера, которое здесь до 6 верст шириной. В юго-восточном углу озера образуется небольшая бухта, в которую вливается довольно значительная р. Кыгы, а несколько севернее ее устья возвышается красивый Чёт.

Взгляните отсюда на север! Широкая синяя лента, серебрящаяся на солнце, сжатая крутыми великанами, уходит вдаль, и там, за синими мысами, которые врезаются в озеро с обоих берегов, теряется в туманной дымке. Безмолвно, пустынно озеро; только за левым мысом еще виднеется неясный контур нашего "фрегата", на котором пятеро калмыков возвращаются к своим закоптелым юртам...

Поездка на Алтын-ту (29 июня -- 1 июля). У юго-западного угла Телецкого озера, прямо над нашим станом, громоздятся первые террасы Алтын-таган или Алтын-ту, Золотой горы. Крутые, почти недоступные, склоны горы местами заросли кустарниками и клочками сухих трав, местами падают отвесными голыми скалами; кой-где прилепились наклонившиеся лиственницы. Вершины Алтын-ту отсюда не видно: она скрыта нижними террасами. Я хотел побывать на ней и для этого вызвал из ближайшего калмыцкого улуса¹⁴ проводника и лошадей. В качестве проводника явился приземистый 78-летний, но совершенно бодрый старик Игнатий; через толмача он объяснил мне, что пятнадцать лет тому назад он провожал Ядринцева на вершину, и с тех пор там никто не бывал. Калмыкам туда ездить незачем, да кроме того между ними распространено поверье, что вершина Алтын-ту священна и при всякой попытке взобраться на нее духи скрывают ее от дерзких глаз, укутывая в облака.

Когда жар начал спадать, мы, оставив палатки с багажом на берегу озера и захватив припасов на три дня, отправились вчетвером вверх по Чулышману. По прямому пути до вершины Алтын-ту всего верст пять, но этот путь доступен только птицам, да, может быть, диким козлам, а нам предстояло сделать обход верст тридцать пять. Долина Чулышмана здесь около версты шириной, замыкается с обеих сторон непрерывной стеной

крутых склонов горы и походит на широкий извилистый коридор. Сам Чулышман перед устьем разбивается на несколько протоков, берега которых густо заросли талами и тополем (*Populus laurüolia*); сквозь эту живую узорчатую рамку мелькает там и сям прозрачная голубая вода горной реки. Между берегом реки и крутым склоном на наносной почве раскинулись небольшие луговины, усыпанные крупными и мелкими каменными глыбами и местами прерываемые группами сосен, берез и тополей. Между камнями засели сухие кустарники: обыкновенная карагана и другая с блестящей, золотистой корой (*G. rugmaea*), барбарис, облепиха, таволга, берсень (алтайский крыжовник) и др. Трава луговин местами выбита скотом, который принадлежит калмыкам, обладателям двух конических юрт, что нам попались по дороге.

Проехав верст восемь по широкой убитой тропе левого берега, мы подошли к небольшой горной речке Ачелману, притоку Чулышмана. Здесь на ней устроена маленькая мельница, принадлежащая монастырю, который находится в двух верстах выше, на правом берегу Чулышмана. От мельницы можно видеть, как с высокой террасы падает Ачелман в виде тонкого серебристого водопада; недалеко от этого водопада такой же второй водопад, это -- речка Боже, которая тут же и впадает в Ачелман. Здесь луг зеленее и наполовину уже выкошен.

Перейдя Ачелман вброд, мы сейчас же свернули от Чулышмана вправо и по лугу подошли к крутому склону террасы, густо заросшему смешанным лесом. Проводник сообщил, что здесь мы должны подниматься. Я не мог ему не верить, но все-таки вид этой зеленой стены вызвал сначала мое недоумение; действительно, подъем оказался не из легких. Узкая тропа, лавируя между стволами осин, берез и лиственниц, зигзагами взбегает вверх и скоро теряется в густой заросли кустарников, где жимолость, спирея, смородина, калина перепутались с высокой травой, корягами и камнями. Чем дальше вверх, тем круче делается подъем, тем неудобнее тропа. То недавно упавший ствол, загородивший тропу, заставляет продираться сквозь густую заросль, то нависший камень прижимает тропу к самому обрыву, -- и тогда одна нога невольно тверже опирается на стремя, когда другая висит над обрывом. Часто каменная глыба образует на пути высокую неровную ступеньку, куда лошадь вскакивает обеими ногами враз, а местами те же глыбы стесняют тропу до узкой щели, где не мешает позаботиться о целостности ног, прижав их к шее лошади... А внизу глубоко под ногами все шире расстилается вид на долину с голубой лентой Чулышмана, которая то ярко выделяется на зеленом фоне луга, то прячется в зарослях прибрежных талов и тополей.

В каких-нибудь полчаса лошади порядочно устали и, взмокшие от пота, то и дело останавливались, тяжело переводя дыхание; а большая часть подъема еще впереди! Мы сошли с лошадей и повели их в поводу. Если вообще нелегко беспрерывно подыматься по крутой неудобной тропе, то это вдвое труднее с лошастью в поводу. Нужно примениться к ее шагу, а она то останавливается и натягивает повод, то быстрым шагом напирает

сзади и, наступая на ноги, поневоле заставляет торопиться. Сердце учащенно работает, волосы давно смокли от пота, высохший рот приходится постоянно освежать еще зелеными ягодами смородины или просто жеваной травой. Лес делается гуще, появились косматые кедры, чаще попадаются завалившиеся стволы деревьев; вид на долину закрыт густой зарослью, и только изредка, как бы в окне, между ветвями видны игрушечная река, игрушечные деревья...

Часа через два подъем делается менее крут, и склон переходит в болотистую террасу, заросшую густым кедровым лесом, покатую к Ачелману, шум которого был слышен справа. После короткого отдыха мы опять сели в седла и двинулись дальше, вдоль течения Ачелмана. Сырая, топкая лесная тропа, заваленная острыми камнями, страшно неудобна для лошади: то она [лошадь] спотыкается о камень, то, соскользнув с него, тонет по колено в черной грязи, то запутывается ногами в густом сплетении корней, которые стелются между камнями и в топкой грязи. Выбирая места посуше, лошадь часто жметя ближе к деревьям, и тогда сильный удар колена о ствол напоминает об опасности сбоку; а когда внимание сосредоточено на неудобной тропе и кедровых стволах, грозящих коленям, -- нависшие сверху ветви царапают лицо и шею, сбрасывают шапку или прямо готовы высадить из седла зазевавшегося всадника. Одним словом, здесь нужно быть внимательным по всем направлениям и, бросив повод, то обеими руками отталкиваться от ствола или приподнимать ветвь, то вплотную припадать к седлу.

Уже смеркалось, когда мы подошли к Ачелману, бурливому горному потоку аршин шести шириной, и, перейдя его вброд, направились дальше вдоль левого берега то таким же лесом, то небольшими лесными прогалинами и полянами, покрытыми высокой сочной травой. Пора было подумать о ночлеге, и мы скоро нашли удобное место под старым развесистым кедром среди широкой поляны в ста шагах от Ачелмана. След костра показывает, что не мы первые нашли здесь приют.

Лошади расседланы, сделан запас сухого валежника на всю ночь, и скоро над костром закипел чайник и котел с бараниной. Старик Игнатий во всех хлопотах принимает деятельное участие, не обнаруживая ни малейшей усталости, словно бы и не было у него за плечами 78 лет. После ужина и чая из деревянных плоских чашек, мы завернулись в шубы и, подсунув под головы седла, прислоненные к кедру, могли несколько часов отдохнуть. Термометр показывал всего 4°C, а совершенно ясное небо обещало, что будет еще холоднее: ведь мы находились на высоте около 1 500 м над морем.

Сгустилась темная ночь; лес, надвигающийся на поляну с трех сторон, потерял контуры и слился в одну сплошную черную стену; по луговине временами пробегают светлые полосы от нашего костра, над которым иногда выются ночные бабочки, прилетевшие из мрака и вновь исчезающие неведомо куда. Тишина полная, только Ачелман шумит там, за низкими зарослями талов, да калмык Игнатий, направив бронзовое морщинистое неподвижное лицо к костру и не выпуская изо рта

деревянной трубки, рассказывает толмачу, что вот уже три месяца не может отыскать сына, который весной ушел в тайгу. Был в улусе какой-то праздник, кажется свадьба -- гости, выпивши араки¹⁵, поспорили, спор перешел в драку, в которой его сыну проломили голову. Ничего, отлежался, только, как встал, захватил ружье и ушел в тайгу. Раз ночью Игнатий набрел на него в лесу, тот бежать, Игнатий за ним, да в темноте напоролся глазом на острый сучок и проколол веко, а сын успел скрыться.

Старик выколотил трубку, бросил в костер охапку хворосту, завернулся в халат и, выставив к огню голые ноги, заснул. Только Ачелман издали шумел, да отдохнувшие лошади усердно жевали траву.

С восходом солнца вскочили и мы. Умывшись в Ачелмане водой, от которой ломило руки и жгло лицо (4,5°Ц), напившись чаю и оседлав лошадей, мы двинулись дальше вдоль Ачелмана. Поляна, обильно покрытая росой, пестрела разнообразными красками; прежде всего бросался в глаза яркооранжевый огонек, там и сям мелькали пунцовые пионы, желтый и красный мытник, а росник образовал местами густые дерновины. Налево отдельные группы кедров и лиственниц с зарослями кустарников сбегали к Ачелману, направо тянулся лиственничный лес с отдельными кедром и черными обгоревшими стволами кедров, которые резко выделялись на яркозеленом фоне лиственниц. Мне не раз и потом случалось видеть такие пожарища, где огонь палил по выбору только одни кедром, не трогая лиственниц и лишь оставляя черные следы на основаниях [их] стволов. Я думаю, это объясняется большой смолистостью кедровой хвои. Дальше по Ачелману лес делается все реже, отдельные деревья сильно изуродованы, а между ними появляются густые заросли кустарной могучки (*Potentilla fruticosa*) с яркожелтыми цветами, приземистая и карликовая береза (*Betula humilis* и *B. nana*); хотя нужно сказать, что этот вид могучки встречается и глубоко в долине, например, по берегу Катуня.

Перейдя небольшой ручей Кулея, -- левый приток Ачелмана, -- мы повернули вправо, на север, и подвигались вдоль его течения; перейдя его еще раз, мы начали медленно подниматься по очень широкому луку, который ограничен справа и слева правильными линиями леса из лиственниц и кедров и на север ведет к перевалу Боже. В полуверсте от нас на яркопестром фоне луга мелькнул табун одичавших лошадей. Сначала они насторожились и внимательно вытянули морды, а потом шарахнулись в сторону и скрылись на опушке леса. Слева, в истоках Кулея, мелькал другой такой же табун. Калмыки с весны угоняют лошадей на тайгу, т. е. в горы, и предоставляют их самим себе, не видя целые месяцы. В большинстве случаев и зимой лошадь остается на подножном корму, для чего выбираются такие склоны гор, где ветрами сдувает большую часть снега, и до травы докопаться не трудно.

В полчаса, постепенно поднимаясь, мы переехали широкий луг и были на хребте перевала Боже, где местами выдаются нагромождения голых скал с небольшими изуродованными кедром, засевшими в трещины. Некоторые кедром приняли даже стелющуюся форму. Высота перевала

Боже -- около 1 940 м. Отсюда на север открывается широкий видна долину речки Боже, которая скрывается глубоко внизу в зарослях кедрового леса; за ней возвышается массив Алтын-ту с двумя овальными вершинами наподобие куполов. Лес, начинаясь немного выше середины горы, густо покрывает крутые гривы, сбегаящие в долину; у своей верхней границы лес иногда расступается и оставляет место небольшим полянам; выше их только группы деревьев как бы делают тщетные попытки взобраться выше, но ими дело и кончается. Выше видны широкие альпийские луга, а еще выше каменистые россыпи, из которых состоят и самые вершины, с небольшими пятнами снега.

Долина р. Боже с запада замыкается крутым барьером гор, -- здесь исток реки, -- на востоке в синеющей дымке скрывается за поворотом.

С этого перевала нам нужно было спуститься в долину к речке и потом вновь подниматься уже на самую Алтын-ту. Спуск довольно крут; сначала он идет по густым зарослям карликовой березы, которые перемежаются с неудобными каменистыми россыпями; несколько ниже встречаются отдельные кедры, постепенно переходящие в негустой кедровый лес. Весь пол между деревьями затянут однообразно зеленым, мягким ковром плотного мха с рассеянными по нему кустиками черники и брусники. Кроме крутизны, спуск неприятен еще тем, что ковер мха часто прорывается, и тогда ноги лошади проваливаются куда-то глубоко, особенно около корней кедров. Вероятно, мох прикрывает собой большую каменистую россыпь, а корни деревьев приподнимаясь над камнями, держат натвесу и мох. Лавируя между стволами кедров, объезжая беспорядочно наваленные мертвые стволы и минуя густые заросли той же карликовой березы, мы затратили около сорока минут, чтобы спуститься к бурливой речке Боже. Она здесь не шире Ачелмана и тоже завалена крупными камнями; по обе стороны вдоль берега в виде двух гряд навалены громадные глыбы, густо заросшие кустарниками и высокой травой, а между ними топь. Русло речки переходится легко, но на этой путанице глыб с кустарниками лошадь скользит, проваливается в щели и часто готова упасть.

За р. Боже сейчас же начинается крутой подъем в густом кедровом лесу; здесь почва тверже, хотя тоже покрыта мхом. Между стволами кедров засели жимолость, спирея и другие кустарники, а на фоне мха выделяются розетки бадана с розовыми цветами, коврики седмичника, красная саранка и синий водосбор. Мы поднимались крутыми лесистыми гривами, между которыми образовались глубокие овраги с журчащими ручьями, заросшие высокой травой; на хребте грив местами лес немного расступается и дает место небольшим голым площадкам, усыпанным хвоей и пустыми шишками. Нужно было около двух часов постоянного утомительного подъема, чтобы вновь достичь границы леса. Здесь лес расступается все больше и больше, наконец только отдельные клумбы кедров и лиственниц делают последние попытки расселиться выше. Между ними раскинулись широкие альпийские поляны; покатый луг пестреет разнообразными яркими оттенками; красный копеечник (*Hedysarum*

obscurum), желтый сочевичник (*Orobus luteus*), розовая горлянка (*Polygonum bistorta*), молочай (*Euphorbia lutescens*), высокая белая чемерица (*Veratrum album*), голубая медунка (*Pulmonaria mollis*), два мытника (*Pedicularis elata* и *P. uncinata*) сплелись там, где посуше, а у маленького холодного ручья столпились оранжевые огоньки (*Trollius asiaticus*), синяя сверция (*Swertia obtusa*), палевый гравилат (*Geum rivale*), яркожелтый курослеп (*Caltha palustris*), осока (*Garex nigra*) и миловидные незабудки (*Myosotis sylvestris*). И все это разрослось так сочно и пышно, так щедро раскрасившись в яркие цвета. Из высокой травы из-под ног лошадей с шумом и хлопаньем вырвалась копалуха [самка глухаря], и, усевшись на ближайшую листовницу, жалобным клохтаньем собирала разбежавшийся выводок.

Был полдень, солнце припекало, лошади сильно утомились, и необходимо было сделать привал. Для этого мы расположились под густым кедром на краю большой поляны, облюбовав это местечко и для предстоящего ночлега. Вниз поляна постепенно суживается и скоро совсем замыкается густым лесом; за ним, как раз против нас, на юге, тянется хребет Боже, на высоте которого мы находимся; дальше -- еще синие хребты с белыми пятнами; над ними главенствует снежный Бёлэр. Тишина полная; густые мохнатые ветви кедров, облитые лучами полуденного солнца, не шелохнутся; только издалека с другой гривы доносится какое-то жалобное мурлыканье, -- "нето копалуха скучает, нето медведица с ребятами развлекается", -- пояснил бывалый толмач.

Однако уже два часа; нужно торопиться, чтобы сегодня же добраться до вершины: в такую погоду и духи бессильны закрыть вершину священной горы, а что будет завтра -- неизвестно. Оседлав лошадей и спрятав запас между корнями кедра, мы выступили и через четверть часа выехали из области леса. Листовница отстает раньше, и последним вверх гордо выходит все-таки кедр; но посмотрите, что это за дерево, и во что ему обходится первенство! С южной и юго-западной стороны все ветви засохли и обвалились, с северной и северо-восточной прекрасно сохранились; верхушка чаще тоже погибает; и все дерево, как бы взъерошенное на северо-восток, туда же и наклонилось. Эта оригинальная форма дерева зависит, конечно, от сильных губительных ветров, которые по всей Западной Сибири дуют упорно с юго-запада на северо-восток. Нужно удивляться, что деревья не вырваны с корнем; но для этого дерево тоже приспособилось: толстые, как канаты, корни образуют около основания ствола мощные подпорки, которые тянутся на аршин и больше по каменистой почве, пока зароятся в нее. Случается, что под самым стволом лежит громадный камень, точно нарочно подложенный туда, и тогда канаты-корни оплетают его со всех сторон и потом исчезают в трещинах скалы, так что воздушные части корней достигают до полутора аршина; при этом основание ствола сильно расширяется и как бы расплывается по камню. Часто последние кедры оказываются до того пострадавшими от губительных ветров, что дерево на 3/4 посохло, сохранились две-три нижние ветви, и непременно с северной стороны.

В редких, исключительных случаях последнюю вверх выходит лиственница с прямой посохшей верхушкой и ветвями, равномерно развитыми со всех сторон; но в этом случае вы всегда найдете между лиственницами мертвые, опаленные стволы кедров, и многие повалены еще выше последних лиственниц: хотя мертвые, но все-таки кедров первенствуют.

Вообще пограничная полоса лесной растительности производит впечатление старого поля битвы, где неподобные мертвые великаны валяются между старыми искалеченными ветеранами и здоровой еще молодежью, которая доставляется сидящим ниже плотным населением... Предел лесной растительности здесь находится на высоте около 2 000 м.

Выше начинаются густые заросли низкорослых ив и карликовой березы, кое-где прерываемые цветистыми альпийскими лугами и опасными каменистыми россыпями.

Скоро из-за ближайшей террасы показались оба купола Алтын-ту и седло между ними. Поперек нашего пути вытянулась от самого седла неширокая каменистая россыпь; вниз она протянулась почти до границы леса. Представьте себе каменный поток, где громадные глыбы с острыми углами свалены без всякого порядка; некоторые лежат твердо, но большая часть колеблется под ногами, открывая темные щели, на дне которых журчат невидимые ручьи.

Переход через эти двадцать сажен россыпи (корум) при первом взгляде кажется не трудным, но лошади, увидев ее, еще заранее упирались, и пошли на камни только после настоящего принуждения. Однако с первых шагов пришлось убедиться, что лошади были правы; камни под лошадьми зашевелились, открывая щели, куда проваливались ноги наконец, одна лошадь, запутавшись ногами в камнях, тяжело грохнулась на бок. Делать нечего, -- пришлось вернуться и обходить корум¹⁶ с нижнего конца и потом вновь подниматься вдоль каменного потока.

Скоро заросли кустарников остались внизу, и мы продолжали взбираться крутым склоном, усыпанным мелким щебнем, между которыми отдельными кустиками и дерновинками засели низкорослые альпийские травы. Гуще и выше трава вдоль холодного ключа, который просачивается между камнями в верхней части корума почти под самым седлом Алтын-ту. У воды столпились белый *Callianthemum*, синяя *Swertian* золотисто-желтый лютик (*R. frigidus*); этот лютик -- самое нетребовательное растение относительно тепла, под одним, однако, условием, -- чтобы было достаточно влаги; его я находил у самых снежных полей, а нерасцветшие, сильно опушенные экземпляры пробивают тонкую снежную корку, причем часть корней разветвляется прямо в снегу. Между низкорослыми альпийцами сухих склонов особенно бросаются в глаза лиловые и светложелтые фиалки (*Viola altaica*), красный мытник (*Pedicularis verticillata*), голубые бокалы горечавки (*Gentiana altaica*), цветок которой сидит на едва заметном стебельке и составляет 7/8 всего растения, и розовые колоски горлянки (*Polygonumbistorta*), этого удивительного космополита, который находит

одинаково благополучное существование и в глубоких долинах, и на вершинах гор у снежных полей, и только на высотах значительно сокращает свои размеры и окрашивает колосок в интенсивный розовый цвет.

Не задерживаясь на широком седле Алтын-ту, засыпанном мелким щебнем, мы повернули направо и начали подниматься по сухому склону восточного купола горы. Мелкий щебень постепенно сменяется крупным, а дальше навален крупный корум, с северной стороны прикрытый большим полем снега.

В 3 1/2 ч. дня мы достигли вершины. Оба anerоида показывали согласно 580 мм, что соответствует приблизительно 2 380 м [выше уровня моря]; температура 14,5° Ц. Вершина представляет собою небольшую площадку, сплошь засыпанную угловатым корумом, которая, постепенно закругляясь, переходит в крутые склоны. Почти во все стороны отсюда открывается дивная, изумительно громадная панорама, которая только с запада и севера несколько закрывается соседними вершинами Алтын-ту. На северо-восток от вершины под снежным полем тянется ложбина; она круто сбегает вниз между двумя сопками и, как бы обрываясь, открывает вид на треугольный кусок Телецкого озера. За синей поверхностью озера идет резкая черта противоположного берега, от которой круто поднимаются прибрежные горы; за ними еще гряда, более высокая, с остроконечными, местами белыми, зубцами; это труднопроходимые Телецкие и Абаканские горы; они уходят на север параллельно озеру. По раздвинувшимся вершинам гор можно проследить долину Телецкого озера почти во всю длину, но самого озера не видно, кроме упомянутого небольшого куска.

На юго-востоке, за ближайшими сопками и хребтами, как прямое продолжение долины озера, глубокая долина Чулышмана кутается в синей туманной дымке; за ней, дальше на восток, громоздятся высокие снежные белки в верховьях р. Чель-чу; а дальше на юг, почти на горизонте, вытянулась снежно-белая гряда Курайских белков, до которой отсюда верст полтора; между этой грядой и нами целое море гигантских синих волн с беляками, протянувшихся далеко на запад. Всколыхнулось оно от титанического дуновения, да так и застыло...

Мы стояли у небольшой колонны, сложенной из камней еще 15 лет тому назад Ядринцевым, и не могли оторваться от поражающей картины этих мощных складок земной коры, на дне которых затерялась человеческая жизнь; только калмык Игнатий, закурив трубку, устремил бесстрастный неподвижный взор на каменистую россыпь под ногами, мало интересуюсь знакомой картиной.

Однако неужели вершина так мертвенно пустынна? При первом взгляде под ногами не видно ничего, кроме голых, угловатых, серых камней, наваленных в беспорядке; но присмотритесь внимательнее к трещинам и щелям. Здесь прижались два бокала горечавки и кустик розовой кляйтонии (*Claytonia Ioanneana*) с блестящей зеленью, в той трещине целая дерновинка камнеломок (*Saxifraga melaleuca*), низкорослый очиток

(*Sedum quadrifidum*) с яркокрасными плодами, оранжевый крестовник (*Senecio resedaefolius*), еще не совсем расцветший, голубые незабудки, едва заметный повойничек (*Alsine verna*) и много, много других пигмеев, попрятавшихся по трещинам и щелям в защиту от ветров и стужи. Есть даже целое дерево -- стелющаяся ива (*Salix reticulata* и *S. herbacea*) в вершок величиной, с двумя листьями, и все-таки на верхушке с созревшей сережкой плодов. На всех альпийцах лежит явный отпечаток суровых условий существования; карликовые размеры, часто сильное опушение помогают им бороться против губительной стужи. И все-таки коротко их существование: лишь в мае склоны гор освобождаются от снега, да и то не везде, а в августе уже выпадают первые снега; нужно торопиться распуститься, отцвести и принести плоды, а то ранние метели и вьюги похоронят под собой смельчаков, когда в долинах жизнь еще в полном разгаре.

Часа два мы обыскивали трещины и щели между камнями, с большими затруднениями выкапывая ножами и вытаскивая альпийцев, лишь изредка останавливаясь, чтоб полюбоваться на далекие хребты гор, которые понемногу заволакивались вечерней синей дымкой. Только надвигающиеся сумерки заставили нас подумать о возвращении к месту ночлега {Растения собранные во время поездки на Алтын-ту; 1.

Альпийские луга близ границы леса: *Galiha palustris* L., *Atragene alpina* L. var. *sibirica* Rgl. et L., *Anemone narcissiflora* L., *Paeonia anomala* L., *Geranium albiflorum* Ledb., *Orob. luteus* L. var. *orientalis* F. et Mey, *Hedysarum obscurum* L., *Potentilla fruticosa* L., *Cotoneaster uniflora* Bge, *Vaccinium Vitis idaea* L., *Swertia obtusa* Ledb., *Pulmonaria mollis* Wolf., *Myosotis sylvatica* Hoffm., *Pedicularis elata* Willd., *Pedicularis uncinata* Steph., *Rumex. acetosa* L., *Polygonum bistorta* L., *Euphorbia lutescens* C. A. Mey, *Salix viminalis* L., *S. lapponum* L., *S. glauca* L., *S. arbuscula* L., *S. reticulata* L., *Betula nana* L., *B. humilis* Schrenk., *Allium Victoriale* L., *Veratrum album* L. var. *Lobelianum* Koch., *Erythronium Dens canis* L., *Lilium Martagon* L., *Carex nigra* All., *Anthoxanthum odoratum* L., *Avena subspicata* Clairv., *Alopecurus pratensis* L.

2. Выше альпийских лугов до вершины: *Ranunculus frigidus* Willd., *Callianthemum rutaefolium* C. A. Mey, *Aquilegia glandulosa* Fisch., *Macropodium nivale* R. Br., *Draba incana* L., *Viola biflora* L., *V. altaica* Pall., *Alsine verna* Bartl., *Alsine biflora* Wahl., *Cerastium vulgatum* L. var. *leiopetalum* Ledb., *Spiraea alpina* Pall., *Dryas octopetala* L., *Sibbaldia procumbens* L., *Potentilla fragiformis* Willd., *Sedum elongatum* Ledb., *Saxifraga melaleuca* Fisch., *Schultzia crinita* Spreng., *Pachypleurum alpinum* Ledb., *Valeriana capitata* Pall., *Patrinia sibirica* Juss., *Erigeron uniflorus* L., *Aronicum altaicum* D. C, *Senecio resedaefolius* Less., *Saussurea alpina* D. G. var. *subcaulis* Ledb., *Scorzonera radiata* Fisch., *Taraxacum comiculatum* D. C, *Centiana altaica* Pall., *Eritrichium villosum* Bge, *Veronica densiflora* Ledb., *Pedicularis verticillata* L., *P. versicolor* Wahlenb., *Polygonum bistorta* L., *P. viviparum* L., *Dracocephalum altaicense* Laxm., *Salix Myrsinites* L., *S. herbacea*

L., *Lloydia serotina* Reich., *Luzula spicata* D. G. var. *compacta* E. Mey, *Carex atrata* L., *C. tristis* M. a Bieb., *Festuca ovina* L., *Lycopodium alpinum* L.}.

* * *

Когда мы спустились к нашему кедру, солнце уже скрылось; в долинах сгустился синий мрак, лес почернел, потускнел луг, потемнела бездонная глубина неба, и только на снежных вершинах еще играл розовый отлив заката.

* * *

На другой день, встав вместе с солнцем, мы двинулись в обратный путь и к вечеру того же дня вернулись к стану на Телецком озере.

Ночь была довольно холодная; несмотря на разгар лета, в 5 1/2 часов утра термометр на Алтын-ту показывал 8°Ц. День был совершенно ясный и теплый; на броду через Ачелман несколько позже полудня в тенистом сыром лесу было 18°Ц, а к вечеру у Телецкого озера уже 23°Ц.

Когда мы возвратились к озеру, нетрудно было заметить, что вода сильно сбывла; это происходит в зависимости от южного ветра, который просто сгоняет массу воды на север. В этом я убедился еще больше на другой день: усилился южный ветер, и убыль воды сделалась еще заметнее.

По долине Чулышмана (2--4 июля). Еще накануне пришли лошади с проводниками из Кумуртука, на которых мы и отправились вверх по долине Чулышмана, рассчитывая пройти по ней около 70 верст до впадения Кату-ярыка, где есть подъем на Улаганское плоскогорье. Выступили около 9 часов. До устья Ачелмана дорога была уже знакома. Следуя дальше левым берегом Чулышмана то небольшими луговинами, то перелесками мелкой березы, через полтора часа мы подошли к Благовещенскому монастырю, который расположился на противоположном правом берегу реки. Отпустив вьючных лошадей дальше до устья Башкауса, мы переправились в лодке на монастырский берег. Чулышман здесь около 40 сажен шириной и довольно глубок; голубая вода прозрачна, и дно видно на значительной глубине. Течение быстрое, но довольно покойное.

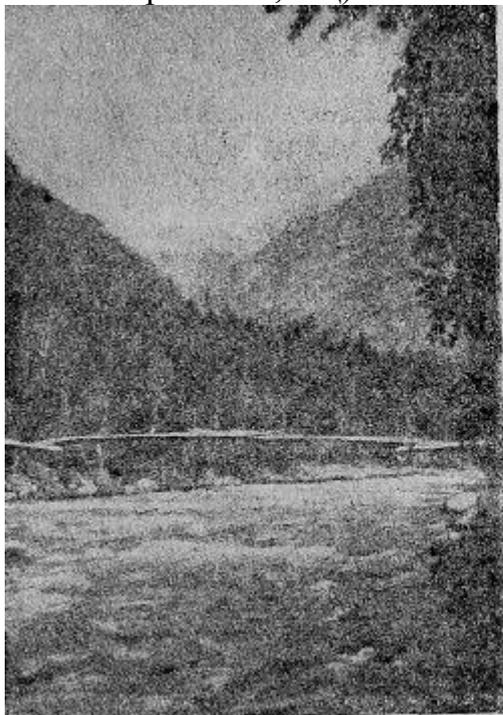
Монастырь, т. е. собственно небольшая деревянная церковь и две-три избы, занимает площадь между Чулышманом и крутыми скалистыми склонами хребта, запирающего долину с востока. На песчаной почве стоят кое-где довольно старые сосны. Население монастыря состоит из настоятеля, принявшего нас очень радушно, двух монахов, причетника, и двоих-троих рабочих, уголок этот почти совершенно оторван от живого

культурного мира; почта приходит из Бийска, да и то только "с оказией", месяца через три, -- это на расстоянии около 300 верст!

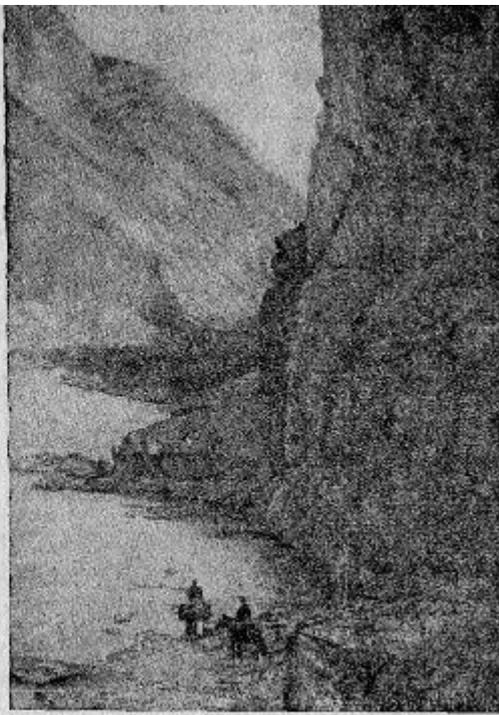
Вверх по Чулышману тропа идет левым берегом реки. Здесь долина несколько расширяется и покрыта отдельно лежащими камнями; трава частью выбита скотом, частью выгорела от бездождия и вообще имеет очень жалкий вид. Миновав небольшую речку Кумурты, мы подошли к устью Башкауса, где расположено селение Кумуртук.

Едва мы добрались до палаток, раскинутых на берегу протока, как началась гроза с сильным ливнем; после грозы на соседней горе Ангалу-ерх, возвышающейся в левом углу между Башкаусом и Чулышманом, закурился кедровый лес, -- вероятно, загло молнией. Вообще лесные пожары, иногда от гроз, иногда от костров промышляющих здесь охотников, -- явление весьма обычное на Алтае; во многих местах мне приходилось видеть следы громадных пожаров, которые распространяются тем легче, что здесь с ними решительно никто не борется. Горит лес, пока сам не потухнет. Интересно, что пожар, потухший на Ангалу-ерх за ночь, на другой день после второй грозы опять возобновился и приблизительно на том же месте. Алтайцы отнеслись к этому совершенно безучастно, отчасти, может быть, потому, что лесу остается еще много, отчасти и потому, что обрывистые склоны горы так круты, что по прямому пути попасть на гору невозможно, а нужно сделать обход во много верст кругом.

Несмотря на выпавший проливной дождь, вечер был очень теплый (в 9 часов вечера $t = 18,5^{\circ}\text{C}$).

Река Чебдар

Бом Игы-кая на Чулышмане

* * *

Мне и раньше приходилось слышать о диком и трудно проходимом ущелье, по которому течет Башкаус уже недалеко от устья, и на другой день мы отправились в маленькую экскурсию по течению этой реки. Проехав широкий луг близ устья, раскинувшийся у подошвы Ангалу-ерх на пространстве около версты и обремененный своим происхождением наносной деятельностью Башкауса, мы вступили в долину, которая вверх по реке быстро суживается. Дно долины, зажатое между недоступными кручами, покрыто тоже песчаными наносами, на которых между отдельными крупными соснами местами засела густая сосновая поросль. Сыпучая почва с гальками почти лишена травы; зато довольно густо разрослись кустарники: жимолость, барбарис, крыжовник, облепиха, белая ива и др. Верстах в пяти от устья, перед впадением р. Чебдара, отвесные стены долины вплотную подходят к Башкаусу, совершенно не оставляя береговой полоски; чтобы пройти дальше, мы должны были подняться на первую террасу извиистой тропинкой по скалам, поросшим сухими жесткими травами степного характера, между которыми особенно бросался в глаза *Statice speciosa*. С обрыва прилавка открывается вид на узкую долину Башкауса, который здесь образует крутую излучину, поворачивая на юго-восток, и принимает в себя с левой стороны приток Чебдар. Голубой шумный Чебдар с грохотом стремится по сильно наклонному руслу, более 10 сажен ширины, усеянному крупными камнями, около которых играют большие беляки пены. Оставив лошадей на террасе, мы крутой извиистой тропинкой, лавируя между камнями, спустились к узкому берегу Чебдара, заросшему тополем (*Populus laurifolia*) и кустарниками.

Недалеко от устья через Чебдар устроен пешеходный висящий над потоком мост. Архитектура его весьма незатейлива. На том и другом берегу посредством крупных камней укреплены на-весу по паре толстых бревен. На свободных концах бревен, висящих уже над водой, положена перекладина, и на нее опираются еще два бревна потоньше и подлиннее, упертые задними концами в самый край обрывистого берега. Свободные концы второй пары бревен висят почти над серединой потока; однако остается промежуток до соответствующей пары противоположного берега в несколько аршин; это пространство заполнено тонкими жердями, привязанными в один ряд к свободным концам бревен. Настилки и перил нет. Переходить по такому мосту, висящему на высоте нескольких сажен над бушующим потоком, не особенно удобно. По мере приближения к середине при каждом шаге по скользким бревнам мост заметно раскачивается, а на середине тонкие жерди прогибаются под ногами, и опереться решительно не на что, кроме собственной уверенности. Чтобы ноги не так скользили, лучше снять сапоги. Перешли все-таки без приключений и вышли на правую сторону Чебдара. Здесь в углу между слиянием Чебдара и Башкауса раскинулась низкая песчаная площадка в полквдратную версту, запертая с двух других сторон недоступными скалами. Площадка поросла соснами и кустарниками, между которыми

преобладает спирея разных пород. Башкаус омывает площадку с восточной стороны: его русло идет под значительным уклоном и кроме главной борозды дает множество мелких разветвлений по каменистой россыпи. Эти сплетающиеся и вновь ветвящиеся протоки все-таки настолько глубоки, что не позволяют подойти к главной борозде.

Против южного конца площадки долина Башкауса круто поворачивает на юго-восток, и крутые скалы с той и другой стороны до того стесняют долину или, вернее, ущелье, что продолжать путь можно только по каменистой россыпи около самого потока. Особенно мрачный вид имеет скала противоположной правой стороны, отвесной стеной падающая в поток. Чем дальше, тем теснее делается ущелье, тем неудобнее ходьба, и потому, пройдя не больше полуверсты от площадки, мы повернули назад. При некоторой настойчивости можно, думается мне, проникнуть гораздо глубже по течению Башкауса, но только пешком; вьючного пути здесь нет никакого.

* * *

Вернувшись к устью Башкауса и переждав еще грозу с ливнем, мы в 4 часа выступили дальше вверх по Чулышману. Проводники-алтайцы¹⁷ производят гораздо лучшее впечатление, чем апатичные приозерные теленгиты. Они выглядят гораздо бодрее, суетливо возятся около багажа и с громким криком "йе" быстро и умело затягивают арканы на вьюках. Один молодой парень с веселым лицом мог даже прочесть слово "фабрика" на брошенной мною коробке от спичек, но слова не понял и вообще по-русски не понимал. По отзывам всех, алтайцы -- народ безусловно честный, но довольно беспечный.

По выходе из Кумуртука нужно прежде всего перебрести Башкаус, впадающий тремя рукавами. Брод довольно глубокий, вода достигает выше брюха лошади, но вполне удобен: течение не быстрое, и дно реки без крупных камней. Сейчас же на правом берегу Башкауса возвышается небольшой зеленый холм, стоящий как-то особняком от горы; из-под него вытекает небольшой ручей с холодной водой, может быть, подземное ответвление того же Башкауса. Дальше долина расширяется до трех верст и более. На серовато-желтом фоне выжженной солнцем долины местами резко выделяются яркозеленые участки посевов ржи и ячменя, обязанные своим свежим видом только искусственному орошению посредством примитивно устроенных арыков. Для этой цели отводят в канавы маленькие ручьи, там и сям сбегаящие с гор; но арыки имеют мало поворотов, и значительная часть протекающей воды не утилизируется. Несколько совершеннее арыки дальше вверх по Чулышману. Участки посевов очень невелики, что отчасти объясняется тем, что почва, перемешанная с камнями, допускает только ручную обработку {См. Ядринцев. Указ. соч.}. Скот, находя в долине мало пищи, лепится по уступам скал между зарослями кустарников; особенно смелы в этом козы.

Больших табунов и стад в долине совсем не видно; все они летом угоняются на тайгу, в горы, где корма сохраняются прекрасно даже при долгом отсутствии дождя. Около берега Чулышмана толпятся тополя и березы, не отходя, однако, от воды в сухую долину, и только по оврагам узкие ряды деревьев довольно высоко избегают на гору, издали отмечая полосы почвы, богатые влагой. Кустарники менее взыскательны; особенно между нагромождениями камней образуются заросли жимолости, спиреи, крыжовника, облепихи и типичного ксерофила -- колючей караганы (*Garagana rughmaea*) с узкими листьями и совершенно гладкой золотистой корой на молодых побегах.

Уже вечером верстах в 25 от Кумуртука мы достигли небольшого перелеска из сосны и березы, засевавшего на песчаной почве; но он весьма невелик, а дальше раскинулась широкая, безотрадно голая долина между скалистыми склонами гор. Из пепельно-серой почвы, вытоптанной и выглоданной скотом, торчат едва заметные былинки, пожелтевшие от зноя. Из-под копыт лошади поднимаются облака тонкой пыли, которая долго не ложится в застывшем без движения воздухе. Безмолвие этого унылого места нарушалось только треском перелетающей саранчи да глухим шумом Чулышмана... Направились к берегу реки, надеясь хоть там найти клочки растительности для уставших лошадей; но и здесь не лучше: два аршина прибрежной гальки, а за ней -- та же Сахара!..

-- Дальше есть корм? -- Все то же! -- отвечают проводники. Скрепя сердце, развьючили лошадей и пустили на свободу: изощряйтесь сами! В дровах тоже недостаток, и мы приютились около старого, давно свалившегося тополя, который едва поддавался топору.

А Чулышман весело плещет своими голубыми волнами. Обидно смотреть на такую массу воды рядом с бесплодной долиной; не освежается даже воздух: несмотря на глубокие сумерки, душно и жарко, хотя вода Чулышмана довольно свежа (15,5°Ц).

Отчего же, однако, это обилие воды совершенно пропадает для почвы? Разгадку мы нашли на следующем перевезде. Дальше Чулышман очень часто течет по глубокой канаве, и тогда можно видеть разрез почвы, выполняющей дно долины. Она состоит из крупных и мелких камней, пересыпанных наносным песком; эта в высшей степени пористая почва сверху прикрывается полоской черной земли меньше вершка толщиной, где только и могут распространяться корни. Понятно, что дождевая вода или вода мелких притоков, падающих с соседних гор, проваливается через такую почву, как сквозь решето, пока не достигнет более плотного грунта, который, конечно, составляет и дно Чулышмана. Необходим постоянный приток воды, чтобы на такой почве могло что-нибудь вырасти. Ко всему этому лето 1895 г. было очень бедно дождями. Все это заставляет очень задумываться, возможно ли вообще в таких долинах сколько-нибудь правильное земледелие.

Наш стан находился всего в пяти верстах от впадения в Чулышмаи знаменитой горной реки Чэль-чу. Она начинается в высокой группе снежных гор и, протекая малодоступной долиной, впадает в Чулышман с правой стороны. На другой день, прежде чем двигаться дальше, мы побывали на Чэль-чу.

Вернувшись к стану, мы после полудня навьючили лошадей и двинулись дальше по левому берегу Чулышмана. Жара была довольно сильная (t в 1 час дня 34,5°Ц), и духота увеличивалась полной неподвижностью воздуха, спертая между высокими горами. Долина долго сохраняет тот же унылый вид с травой, выжженной до корня, и только чаще встречаются груды камней с засевшими около них кустарниками, да высокими кустами пожелтевшего чия (*Lasiogrostis splendens* Kunth.). Выше устья Чэль-чу горы той и другой стороны заметно сближаются, и долина делается уже, а река глубже зарывается в землю, образуя нечто вроде глубокой канавы. Дно долины местами поражает своей правильно горизонтальной поверхностью, только местами прерываемой узкими поперечными оврагами, прорытыми боковыми ручьями. Эта правильность особенно бросается в глаза, если взглянуть на противоположный берег; вашим глазам представляется нечто, весьма напоминающее высокую железнодорожную насыпь, которая тянется на версту и больше, прерываясь у берега реки или упираясь в отвесный выступ прибрежной скалы. На естественном разрезе, крутой стеной спускающемся к реке, можно ясно видеть, что вся толща насыпи состоит из камней различной величины, перемешанных с щебнем и песком. Эта толща, вероятно, двоякого происхождения -- прежде всего наносного, а кроме того сюда же скатывались камни с соседних гор и тоже заносились песком и щебнем.

Около редких аилов в две-три кошечных юрты можно видеть более-совершенно устроенные арыки. Какой-нибудь ручей перехватывается у самых скал деревянным жолобом и пускается в уложенную камнями канаву последняя, приходя к орошаемому полю, разветвляется обыкновенно на два рукава, которые огибают поле с той и другой стороны. В месте разветвления положен большой камень, передвижением которого можно направлять воду в тот или другой рукав.

Верстах в двенадцати от Чэль-чу долина Чулышмана дает крутую извилину и сжимается черными нависшими скалами в мрачное ущелье. Горизонтальная насыпь прерывается; нужно спуститься по круто наклонной каменистой осыпи и пробираться под самыми стенами утесов, выбирая путь среди нагроможденных скал. За ущельем долина вновь расширяется и делается светлее.

Еще через час пути мы подошли к известному бому Иты-кая, который имеет действительно величественный вид. Темная стена в десятки сажей высоты обрывается прямо в Чулышман, не оставляя и следа берега; несколько дальше под стеной в воде нагромождены несколько крупных камней, сорвавшихся, очевидно, с этой же скалы. Нужно спуститься по

узкой тропинке между скалами к воде, брести вдоль бома в направлении этой груды камней и потом войти в естественный туннель, образованный нагроможденными глыбами. Туннель довольно темен и в середине делает поворот под прямым углом налево; потолок настолько низок, что необходимо наклониться к шее лошади, чтобы не разбить головы. Пройдя скалы, мы вновь спустились в воду и перебрали на крутой берег, уже по другую сторону бома, и здесь извилистой тропой вновь поднялись на насыпь. Бом проходим только при низкой воде Чулышмана, в высокую же воду туннель почти целиком заполняется водой, и тогда приходится делать большой объезд горами. Вообще же бом более страшен по виду и минует при некоторой осторожности довольно легко (рис. на стр. 57).

Уже от бома на противоположной правой стороне долины, верстах в двух впереди, виднеется красивый водопад Тудан. Когда мы подошли ближе, он являл собой очень эффектное зрелище. Тонкая струя воды срывается с высокой ступеньки и налету разбивается в мелкие брызги; легкий ветер колеблет водяной сноп то в ту, то в другую сторону, и на нем перебегают радуга от косых лучей заходящего солнца, окрашивая в спектральные цвета и самые скалы.

Долина опять немного расширилась, но ограничивающие ее склоны гор попрежнему недоступно круты; внизу там и сям лежат груды камней, свалившихся с верхних уступов. Тропа вьется между каменными глыбами и густыми зарослями кустарников. Камни стесняют и самое русло Чулышмана, и он, значительно сузившись, то и дело образует пороги и каскады с немолкаемым шумом падающей воды.

Перед сумерками мы, обогнув большой выступ горы, пришли в местечко Джелузу. Здесь долина заметно расширяется; Чулышман разбивается на несколько рукавов, закрытых от глаз прибрежными тополями. Почва одета травой не особенно богато, но все-таки корм для лошадей нашелся. По ту сторону реки имеется небольшой аил, жители которого скоро явились к нам и принесли харюзов, которые ловятся здесь довольно легко. От денег отказались, а попросили удочек; к счастью, у меня был порядочный запас английских крючков, который я и раздал по дороге. Этот незначительный подарок здесь очень ценится, потому что хороших крючков достать негде, а своими они вытаскивают одну рыбу из четырех, -- остальные срываются.

Вечер был теплый (в 9 часов $t 23,5^{\circ}\text{Ц}$), и мы долго засиделись с алтайцами за беседой через толмача. Высота местечка Джелузу 735 м.

От Чулышмана до Чуи. Экскурсия на Кызыл-оёк (5--9 июля). Путь по Чулышману окончен. Сегодня мы должны подняться на плоскогорье и двигаться в южном направлении. Погода попрежнему ясная, в 7 часов утра термометр показывает $20,4^{\circ}\text{Ц}$ (вода Чулышмана $11,5^{\circ}\text{Ц}$). Навьючив свежих лошадей, мы выступили и шли некоторое время вдоль Чулышмана, но скоро отклонились в небольшую замкнутую с трех сторон боковую долину почти пересохшей речки Орон-кой. Несколько сот шагов, и начинается крутой подъем налево. Тропа вьется крутыми зигзагами по безлесной круче, усеянной мелкими камнями; караван

одновременно изгибается в четырех-пяти косых этажах; лошади то и дело останавливаются от утомления. Впрочем, подъем до первой террасы не продолжителен, и через полчаса мы вышли на карниз, нависший над долиной Чулышмана. Вдоль карниза подъем не крут, но дальше делается круче, и, наконец, приблизительно через час тропа выходит на высокое плоскогорье.

Чудно рисуется отсюда Чулышман, разбитый наносными островами на несколько рукавов, с непрерывными извилинами между гигантскими, почти отвесными массивами снизу безлесных гор. Почти всюду вдоль берегов, по островам и по боковым оврагам расселились тополя отдельными группами и рядами. На много верст расстилается этот вид под ногами, а на севере за первой высокой террасой высунулись более высокие сопки и гряды снежных вершин.

Холмистое плоскогорье, сначала безлесное, с короткой посохшей травой, из которой временами вылетают куропатки, скоро занимается лиственничным лесом, в котором иногда попадаются отдельные ели. Лесные прогалины покрыты высокой, сочной травой. Местами лесная чаща сменяется широкими полянами с черными обгорелыми стволами деревьев. Кое-где между ними поднимается молодое поколение лиственниц, но, к сожалению, далеко не везде.

Около 2 часов дня мы подошли к небольшому ручью Тумулюк, вдоль которого вытянулась пестреющая цветами длинная поляна; здесь мы остановились покормить лошадей и собрать растения. Несмотря на высоту места (1620 м) и облака, затянувшие большую часть неба, было совершенно тепло ($t\ 23,5^{\circ}\text{C}$). От Джелузу до этого пункта нужно считать верст пятнадцать.

За Тумулюком некоторое время тянется такой же лиственничный лес с редкими полянами, а потом начинается обширная открытая местность с низкой посохшей травой, среди которой выделяются кустики белой сушеницы (*Leontopodium alpinum*). Алтайский эдельвейс не забирается высоко, а предпочитает открытые плоскогорья ниже лесной границы; поэтому, вероятно и опушение у него не так богато, как у швейцарского.

Улаганское плоскогорье переходит направо в невысокие закругленные холмы с небольшими группами лиственниц, а налево постепенно опускается к речке Тужару, -- притоку Ян-Улагана, впадающему несколько ниже Калтарелёна. Вдоль Тужара тропа выходит в плоскую долину Улагана, имеющую тот же характер; она заметно опускается вперед к Башкаусу. Среди мелких камней часто появляются мелкие зверки (смуранка [суслик]), но при нашем появлении быстро перебегают и прячутся в норы. По ту и другую сторону от тропы на ровных полянах можно видеть правильные ряды длинных камней сланца, врытых в землю в стоячем или слегка наклонном положении на расстоянии двух-трех шагов один от другого. Камни установлены в виде продолговатого четырехугольника, одна сторона которого замыкается рядом низких курганов с углублением в середине. Такие же древние постройки, о которых алтайцы ничего не помнят, я встречал потом почти по всем

долинам; на Чулышмане видел единственный камень недалеко от бома. Вообще и теперь эти памятники древности встречаются в местах более населенных¹⁸.

К вечеру мы пришли к речке Балахту-юл (правый приток Улагана) и, перейдя его, разбили стан на открытой поляне недалеко от берега Улагана близ группы лиственниц. Поляна вся покрыта мелкой галькой и щебнем, среди которой богато разрослась высокими кустами *Nepeta lavandulacea*, наполняя воздух одуряющим терпким запахом, который долго не давал заснуть. Какого-нибудь другого растения, кроме деревьев, не было на десятки сажен кругом.

Улагана не было видно, хотя до него всего шагов сорок, потому что по обоим берегам идут густые заросли ивняка. Сам Улаган, несмотря на приставку "Ян" (большой), очень небольшая и маловодная речка не глубже аршина и не шире двух-трех сажен с совершенно покойным течением. Температура воды в 8 часов утра 15,5°C.

В стороне от наших палаток стояли две юрты, ближе к киргизскому образцу, но с остроконечной крышей. Вообще эта местность довольно населенная, но отдельные айлы разбросаны по Улагану и Балахту-юл. Местные жители кажутся более зажиточными, скот крупнее, чем в Чулышманской долине. Здесь в первый раз мы достали действительно прекрасный кумыс.

На другой день утром (в 8 часов утра t 19,8°C) к нашим палаткам явилась целая толпа калмыков с зайсаном во главе. Последний был одет в белый халат, расшитый цветными узорами на груди и около ворота. По-русски он мог только отрекомендоваться, а потом разговор пришлось вести через толмача. Вообще кочующие калмыки, говорящие по-русски, - большая редкость, только те и понимают, которые живут совместно с русскими в деревнях.

После взаимного обмена любезностями мы выступили дальше по направлению к Башкаусу. Тропа идет вдоль Улагана по безлесной долине с невысокими холмами; та же пожелтевшая травка с кустиками белой сушеницы, те же смуранки среди мелких камней; вообще местность до самого Башкауса сохраняет тот же характер, как и прежде.

Уже от устья Балахту-юл, где мы ночевали, открывается вид на снежные вершины в верховьях Куадру по южную сторону Башкауса.

Через два часа езды (верст десять) мы подходили к широкому, покойно текущему Башкаусу, правый берег которого порос редкими лиственницами и тальником. Перед бродом мы повстречались с караваном лошадей, навьюченных монгольской шерстью. Громадные, плохо закрытые выюки задевают за кустарники и оставляют на них небольшие клочья шерсти, отмечая путь каравана.

Брод через Башкаус совершенно покоен, потому что река течет широким руслом в отлогих берегах, а дно не имеет крупных камней. Вода в сухую погоду не высока, но после продолжительного ненастья река до того вздувается, что приходится переправляться вплавь на лошади.

За Башкаусом тропа идет вдоль правого берега р. Куадру большей частью лиственничным лесом; тропа вообще суха и удобна, и только местами попадаются топкие болота с черной грязью. Верстах в десяти от брода мы спустились к р. Куадру, которая занимала весьма небольшую часть весеннего русла. Сухое дно реки завалено крупными камнями, что делает переход неудобным. Перейдя остатки реки, мы круто поднялись на высокий левый берег и продолжали путь полянами между берегом и лиственничным лесом; миновав небольшое озеро, мы поспешили раскинуть палатки на лесной поляне близ речки Кара-узюк (1 514 м), потому что надвигалась гроза с ливнем. Палатка разбивается очень быстро. Кожаные выючные сумы устанавливаются в круги, и над ними раскладывается восьмиугольная палатка, имеющая форму усеченной пирамиды; остается подвести под нее трехаршинный кол с перекладиной наверху, укрепить колышками боковые веревки, вшитые в полотно палатки, и все готово: все сумы прикрыты и в середине остается место для двух постелей. Такая палатка прекрасно противостоит дождю и сильному ветру. При некоторой опытности на развешивание и установку палатки достаточно десяти минут.

К вечеру выяснило и на востоке красиво выделялась снежная пирамида Куадру, а по сторонам ее Кызыл-оёк и Кысхашту-оёк; ближе протянулись невысокие лесистые гривы.

Вечер после дождя был довольно свежий; в 8 часов t 13,5°Ц. 7 июля ранним свежим утром (в 6 1/2 часов утра t 13,5°Ц) в сопровождении толмача и двух местных проводников мы выехали налегке с целью сделать однодневную экскурсию в горную группу Куадру (она же Кысхашту), которая резко выделялась своими тремя вершинами, главенствуя над широко раскинувшимся плоскогорьем.

Проехав некоторое время по левому берегу Кара-узюка в густом хвойном лесу, который изредка прерывается небольшими полянами, мы перебрали его и направились без тропы лесом из кедров и лиственниц прямо на восток к речке Сары-очек. Эта речка несколько больше Кара-узюка и течет тоже в густом лесу. Перешли ее и опять подвигались густым нетронутым лесом с гигантскими завалившимися стволами, которые очень затрудняют движение. Только изредка попадают болотистые поляны, густо заросшие кустарниками, скрывающими каменистую россыпь. Здесь лошади еще труднее: ее ноги путаются в зарослях ерника (*Betula nana*)¹⁹ и проваливаются в болото между острыми камнями, и она часто падает на колени. Но проводник, смуглый калмык с черной косой, уверял, что это самая удобная дорога. Наконец, перейдя третью и последнюю речку Кысхашту-оёк, мы начали подниматься в светлом лесу из редких лиственниц. На одной поляне впервые встретилась белая генциана (*Gentiana frigida*). Выше деревья делаются реже, между живыми лиственницами много обгорелых кедровых стволов. Лиственница же выходит и к пределу лесной растительности, который здесь лежит выше, чем на Алтын-ту, а именно на высоте 2 269 м, т. е. на высоте самой вершины Алтын-ту. Высота предела лесной растительности на последней

не выше 2 000 м. Несколько выше последних лиственниц еще лежит много посохших стволов, носящих следы огня. Едва ли можно сомневаться в том, что они принадлежали кедром, прежде завершавшим собою лесную растительность.

Выше лесного предела тянутся заросли низкорослых ив и ерника, чередующиеся с альпийскими лугами; еще выше следует целый ряд пологих прилавок, усыпанных мелким щебнем глинистого сланца и камнями, между которыми пробивается низкорослая альпийская растительность. Уже на нижних прилавках начал попадаться альпийский мак с желтыми цветами, который поднимается почти до самой вершины Кызыл-оёк. Интересно следить, как по мере восхождения все уменьшаются его размеры; так, нижние экземпляры имеют восемь-десять вершков высоты, на средних прилавках четыре-пять вершков, а под вершиной не больше одного вершка. Кстати, замечу, что на Алтын-ту мы не нашли ни одного экземпляра альпийского мака, тогда как дальше на юг находили его гораздо чаще на той же высоте. В той же постепенности изменяются размеры многих других альпийцев.

На одной из средних площадок я заметил несколько птичек величиной с среднего кулика, несомненно голенастых, но с коротким клювом. Пепельно-серая окраска перьев замечательно подходит к цвету щебня, -- настолько, что птичку трудно заметить, если она сидит покойно, и видно только тогда, когда она пробегает. Ни прежде, ни после ни на одном перевале я этой птички не видел. Совершенно такое же приспособление в окраске перьев я наблюдал у каменной куропатки на Арчатинском белке: я с трудом находил глазами птицу, покойно сидящую между камнями на расстоянии восьми шагов от меня.

Отложив сбор растений до обратного пути, мы торопились на вершину, пока облачность была невелика. Лавируя с прилавка на прилавок, объезжая крупные камни и небольшие снежные поля, под которыми обыкновенно образуются небольшие топи с яркожелтым бордюром лютиков (*Ranunculus frigidus*) и камнеломок (*Saxifraga hirculus*), мы ровно в полдень вышли на последнюю площадку (высота 2 770 м), где лежали отдельно громадные каменные глыбы. Дальше прилавок нет, а начинается крутой склон, покрытый страшной каменной россыпью. Здесь мы должны были оставить лошадей, не желая обречь их на верную гибель, и продолжать восхождение пешком. Каменистая россыпь тянется вплоть до вершины, которая отсюда видна в юго-восточном направлении. Вооружившись палками, пошли. Представьте себе громадную, крутую наклонную плоскость, сплошь заваленную глыбами до сажени и больше величиной; глыбы лежат как бы в умышленном беспорядке: одни торчат вверх, другие висят свободным концом в воздухе, третьи едва опираются на две других, одним словом хаос невообразимый! Между камнями зияют темные щели, в невидимой глубине которых журчит вода, образующаяся от таяния верхних снежных полей. Беспорядочно нагроможденные глыбы часто движутся под ногами, грозя скатиться вниз. Опасность подъема, на котором ежеминутно предстояла перспектива поломать ноги или быть

придавленным сотнями пудов, увеличивалась еще тем, что с правой стороны это нагромождение, закругляясь, образует отвесный обрыв в глубокое ущелье, где начинается речка Кысхашту-оёк. Часто одни ноги отказываются преодолеть препятствие, и приходится пускать в дело и руки.

Прокарабкавшись больше получаса, мы, наконец, достигли вершины Кызыл-оёк. Барометр показывал 534 мм (t 14°C), термометр 11,5°C; это соответствует высоте 3 033 м.

Вершина представляет собою небольшую усыпанную камнями площадку, которой заканчивается высокая острая гряда, протянувшаяся отсюда на северо-запад с постепенным понижением. На юго-восток площадка внезапно обрывается гигантской истрескавшейся стеной в глубокое ущелье -- исток р. Куадру. Противоположную стену этого запертого с трех сторон ущелья образует основание двух вершин: снежной пирамиды Куадру и другой пониже (вероятно -- Кысхашту) с меньшим количеством снега. Снег закрывает только вершину последней и ниже лежит узкими вертикальными полосками, оставляя обнаженные темные промежутки. Ущелье с истоком Куадру протянулось на северо-восток, ограничиваясь двумя грядами: одна примыкает к нашей площадке, другая служит продолжением стены. Меньшая вершина противоположной стороны посредством узкой седловатой гривы соединяется с нашей вершиной, разделяя истоки рек Куадру и Кысхашту-оёк. Нужно спуститься на эту седловину, чтоб вполне оценить грандиозность обрыва Кызыл-оёк в ущелье.

Сильная облачность отчасти заслонила величественную панораму, которая открывалась во все стороны, но все-таки кое-что можно было рассмотреть. На север были видны снежные горы по ту сторону Чулышмана, на северо-запад в туманной дымке слабо намечалась Алтын-ту, на западе расстилалось обширное плоскогорье с множеством мелких озер, на юго-западе гряда Айгулакских гор, и только с востока и юго-востока картина заслонялась пирамидой Куадру.

Вершина Кызыл-оёк была совершенно безжизненна, и только в одной щели я нашел ничтожный экземпляр *Cardamine lenensis*, а немного ниже на соединительной седловине уже много альпийского мака карликовых размеров.

Пока я спускался вниз для фотографирования обрыва, проводники калмыки, оставшиеся на вершине, успели сложить из камней небольшой холм.

Было около двух часов, когда мы начали спускаться. Облака сгущались все больше и больше, подул резкий ветер, два раза еще на вершине нас обсыпало снежной крупой; вообще здесь больше делать было нечего.

Спуск всегда труднее и опаснее подъема. При восхождении утомляются преимущественно легкие и сердце, при спуске -- ноги. Один раз я не удержался на покачнувшейся глыбе и упал на остроконечные камни, сильно поранив ладонь, так что пришлось сразу истратить четверть всего

запаса английского пластыря, -- в путешествии вещь необходимая, и его следует всегда держать при себе.

Спуск до первого прилавка, где мы оставили лошадей, занял полчаса. Желая на свободе заняться богатой альпийской флорой, я отпустил проводников с лошадьми к первым деревьям готовить обед, условившись встретиться в замеченной раньше ложбине. Оставшись вдвоем с В. И. Родзевичем, мы без устали работали ножами, копая альпийцев. Сознание потраченного на восхождение труда и необычная картина высокогорной растительности развивают неутолимую жадность. Кажется, всего взято довольно, но вон экземпляр камнеломки получше! а нет ли чего нового за этим камнем, у того ручья?.. Итак, не оторвешься! Обыскивая камень за камнем, ручей за ручьем и понемногу спускаясь с прилавка на прилавок, мы разошлись с моим спутником и потеряли друг друга. А там еще мелькнул новый вид *Corydalis*, невиданная *Cortusa*, и опять забыты и обед, и товарищ, и полное одиночество... Однако близость вечера вызывает к благоразумию, и я выбираюсь на край последнего высокого прилавка. Отсюда опять развертывается изумительно широкий вид с рядами ложбин, уходящих в лесистую долину. Но в которую же ложбину спускаться? Они все так похожи одна на другую. В каждой сначала тянутся пестрые луга и кустарниковые заросли; ниже появляются первые изуродованные деревья с посохшими верхушками, а ниже лес сгущается в сплошной темносиневатый фон. За далью нигде нельзя различить ни дыма костра, ни лошади, ни человека. Да, как это ни странно при широкой перспективе и в совершенно открытой местности, но я заблудился, решительно не зная, куда спускаться, и боясь итти наудачу, чтоб не отклониться в сторону. Усевшись на краю прилавка, я стал еще раз внимательно исследовать местность биноклем, но и он ничего интересного не открывал; пробовал кричать, -- отвечало только слабое эхо, и в редком горном воздухе звук, казалось, тут же замирал. Наконец, спустя долгое время, я различил в одной из ложбин двух движущихся лошадей, -- и только потому, что они двигались: всякий неподвижный предмет сливается с пестрым фоном картины. Как потом оказалось, это были даже не наши лошади, а два верховых калмыка, которые поблизости охотились на козлов и случайно набрали на наших проводников. Спустившись с прилавка и пройдя густые заросли низких кустов ивы и ерника, я вышел к проводникам, которые нас заждались. Скоро тем же путем явился отставший спутник.

Около нашего костра, над которым висел котел с убитыми около Караузюка глухарями, безмолвно сидели два калмыка-охотника; около них на деревянных сошках стояли в наклонном положении два кремневых ружья, которым калмыки доверяют гораздо больше, чем пистонным; в сумках лежала недавняя добыча: мясо и шкура дикого козла.

Наскоро подкрепившись, мы в 7 часов двинулись домой. На этот раз проводник повел нас кратчайшей дорогой, но менее удобной. Спустившись по ложбине к р. Куадру, мы около часа держались ее левого высокого и лесистого берега. Потом, отклонившись от Куадру влево,

спустились по очень крутому песчаному откосу на берег р. Кысхашту-оёк (приток Куадру) и перебрали ее, минуя нависшую скалу в виде небольшого бома. За бродом очень крутой подъем и едва заметная тропа вдоль левого берега Кысхашту-оёк. Уже совсем стемнело, когда перед бродом через Сары-очек пришлось спускаться по очень крутому откосу, по которому узкая тропка вилась зигзагами; не было видно даже передней лошади и спускались буквально ощупью. В 9 часов вечера, не задевая Кара-узюка, который впадает в Сары-очек выше, мы подошли к нашему стану. До поздней ночи провозились за сортировкой и укладкой собранных растений; после целого дня утомительной физической работы, в виду гостеприимно раскинутой палатки, это занятие вместе с ведением дневника составляет одну из нелегких подробностей путешествия, но откладывать до другого дня опасно, чтоб не перепутать в памяти различные подробности экскурсии при богатстве материала.

Экскурсия на Кызыл-оёк дала много новых видов сравнительно с находками, собранными раньше на Алтын-ту {Растения, собранные на Кызыл-оёке; *Raminulus frigidus* Willd., *Oxygraphis glacialis* Bge, *Calliantbemum rutaefolium* C. A. Mey, *Hegemone lilacina* Bge, *Aquilegia glandulosa* Fisch., *Papaver alpinum* L. var *nudicaule* Ledb., *Corydalis pauciflora* Pers., *Draba Wallenbergii* Hartm. var *homotricha* Ledb., *Cardamine lenensis* Andrz., *Hutchinsia calycina* Desv., *Viola altaica* Pall., *Melandrium apetalum* Fenzl., *Alsine verna* Bartl., *A. biflora* Wahl., *Oxytropis alpina* Bge, *Hedysarum obscurum* L., *Spiraea alpina* Pall., *Dryas octopetala* L., *Potentilla nivea* L., *P. fragiformis* Willd. var *gelida* Trautv., *Claytonia Ioanneana* R. et Sch., *Sedum quadrifidum* Pall., *S. algidium* Ledb., *Saxifraga flagellaris* Willd., *S. hirculus* L., *S. melaleuca* Fisch., *S. sibirica* L., *Schultziacrinita* Spreng., *Pachypleurum alpinum* Ledb., *Patrinia sibirica* Juss., *Aster alpinus* L., *A. flaccidus* Bge, *Senecio alpestris* D. C., *S. resedaefolius* Less. *Saussurea alpina* D. C. var *subacaulis* Ledb, *Crepis chrysantha* Turcz., *Vaccinium uliginosum* L., *Cortusa Matthioli* L., *Gentiana altaica* Pall., *G. decumbens* L., *G. frigida* Haenke. var *aligida* Ledb., *Eritrichium villosum* Bge, *Pedicularis versicolor* Wahlenb., *P. verticillata* L., *Gymnandra Pallasii* Cham, et Schlecht., *Dracocephalum imberbe* Bge, u. *altaicense* Laxm., *Polygonum bhirtorta* L., *Empetrum nigrum* L., *Salix glauca* L., *S. Myrsinites* L., *S. Brayi* Ledb., *S. reticulata* L., *S. herhacea* L., *Lloydia serotina* Reich., *Luzula spicata* D. C. var *compacta* E. Mey, *Carex tristis* M. et Bieb., *Poa alpina* L., *Hierochloe alpina* R. et Sch.}.

Проведя утро за перекладкой собранных накануне растений, мы только в полдень могли продолжать путь дальше на юго-запад, надеясь в два дневных перехода притти на Чую. Ближе калмыцких аилов нет и переменить лошадей негде. В течение трех с половиной часов мы медленно поднимались в листовичном лесу с редкими болотистыми полянами. Подъем почти незаметен. Наконец, лес расступился, и мы выехали на широкую поляну с небольшим альпийским озером; за ним сейчас же невысокий гребень перевала Кеделю. Озеро носит, кажется, то же название. Отсюда на востоке открывается широкий вид на горную

группу Куадру, посещенную нами вчера. Три пирамиды выстроились одна рядом с другой и на большое пространство главенствуют над высоким плоскогорьем. Высота перевала Кеделю 2 243 м и, однако, отдельные группы кедров и лиственниц доходят до высшей точки.

Едва мы прошли гребень, как открылся вид на обширное унылое плоскогорье, поросшее кустарниками и редкими группами мелких кедров и лиственниц. Плоскогорье очень богато водой, которая скопилась в целом ряде озер и болот. Озера соединяются между собой небольшими протоками или болотами, образуя одну связную систему. Самое значительное озеро Узун-коль -- что значит "узкое и длинное озеро" -- вытянулось с северо-востока на юго-запад и осталось вправо от нашей тропы. Низкорослая растительность сырых луговин очень однообразна; только на более сухих пригорках попадаетея *Gentiana altaica*. Такое же однообразное плоскогорье тянется на несколько верст к востоку и западу, и только впереди с юго-запада замыкается высоким хребтом Айгулакских гор, которые отгораживают плоскогорье от долины Чуи. От перевала ехали два часа с едва заметным уклоном к юго-западу. Плоскогорье заканчивается крутым спуском вдоль верхнего течения р. Чибит, который берет свое начало в упомянутой системе озер и болот. По спуску начинается настоящий лес, а луга делаются разнообразнее и пестрее. Миновав крутой спуск и повернув на юго-восток, мы широкой долиной выехали к верхнему концу красивого горного озера Чейбек-коль. Всего от Кара-узюка до Чейбек-коля нужно считать 35--40 верст.

Высота озера 1 949 м. Оно имеет до четырех верст длины и не больше версты ширины; с той и другой стороны к нему круто спускаются склоны гор, одетые густым лесом лиственниц. Лес подходит к самому берегу, и отдельные лиственницы нависли прямо над водой. В верхней части озера на самом берегу возвышается холм из крупных камней, заросший кустарниками и травой. Температура воды 14,5°Ц. Рыбы не видно никакой, и, повидимому, единственное население озера составляют пиявки, да какие-то очень мелкие рачки. Вообще при красоте положения озеро имеет довольно безжизненный характер. По берегам его встречаются чисто альпийские формы, впрочем не из самых высоких, например, белая генциана (*G. frigida*) и *Swertia obtusa*.

Вечером надвинулись довольно густые облака и температура упала до 9,5°Ц (в 8 1/2 часов вечера), однако на другое утро небо очистилось и к 8 часам утра температура поднялась до 13,5°Ц.

После ночевки двинулись дальше по левому северному берегу Чейбек-коля; впереди в вырезке долины озера между горами ясно рисовались снежные зубчатые вершины Чуйских белков. Только отсюда мы их и видели, потому что долины Чибита и Чуи лежат гораздо ниже, и белки скрываются за первыми прилавками и горами.

У нижнего конца озера мы перешли вброд неглубокий Чибит и, подтянув покрепче вьючные сумы, начали круто подниматься по лесной тропе; но подъем непродолжителен, и хребет не выходит из пределов лесной растительности. Почти у конца подъема по правую руку вплоть у

тропы нависла истрескавшаяся скала и в ней красивый грот в яркокрасной горной породе (вероятно яшмовой). Далее следует несколько светлых полян, заросших высокой, густой травой, перемежающихся с небольшими участками леса. Мы переваливали через Айгулакские горы в их невысоком конце.

За небольшим плоскогорьем следует продолжительный и крутой спуск в долину р. Чибит. Тропа то вьется зигзагами по крутому откосу, усеянному камнями, то висит над пропастью узким карнизом; вообще же спуск довольно удобен и большой опасности не представляет. Внизу под ногами на большом пространстве была видна долина, заявлявшая о своей бесплодности желтыми и серыми тонами. Бездождие этого лета коснулось Чибита и Чуи так же, как и Чулышмана; впрочем, здесь это, кажется, явление довольно заурядное. По мере спуска делается заметно суше и жарче.

Спуск занял больше часу, и вот мы, наконец, на дне долины, на совершенно высохшей почве, усеянной мелкими камнями; впечатление совершенно то же, что и на Чулышмане около Чэль-чу. Чибит -- небольшая полувывсохшая речка, течет разбитыми струями плоским руслом, усыпанным некрупными камнями. После полудня температура воды 20,5°Ц, а в 7 часов утра только 14°Ц.

Верстах в трех от устья нас ждали уже оседланные лошади, и мы, не желая оставаться в этой безотраднo пустынной долине, хотели было итти дальше, на Чую, но неожиданный ливень разрушил наши планы и здесь пришлось переночевать. Высота Чибита 1 444 м.

Читать всю книгу в электронном варианте:

http://lib10.ru/russian_classic/sapojnikov_vv/po_russkomu_i_mongolskomu_altayu.12656/?page=186